

Сергей К. Данилов

*Сезон
нежных
чувств*



Сергей Данилов

Сезон нежных чувств

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Сезон нежных чувств / С. К. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854209-1

Университетская юность, проведенная вдали от родительской опеки, в студенческом общежитии — это замечательная школа познания мира человеческих отношений.

ISBN 978-5-44-854209-1

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

1. Неудачные внуки – композитор и актриса	6
2. Влетел – прыгай	9
3. Фрукты в постель	16
4. Радости и горести познания	21
5. Можно, я здесь тихо постою?	27
6. Чтобы нам тут...	31
7. Математический подвиг	34
8. Женщина в пёстром	40
9. С полки азбука свалилась	43
10. Конституционные морозы	47
11. Наваждение	52
12. Наглость беспредельная	56
13. Декамерон	60
14. Астрология призывной жизни	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сезон нежных чувств

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-4209-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Неудачные внуки – композитор и актриса

Второкурсниками стали, увы, не все. Отчислена Соня Меламет, в миру Сонечка Мармеладова, для близких друзей просто Мармеладка, маленькая, весёлая девчонка с всегда обветренными губами. Не зря, стало быть, старший преподаватель Меньшикова выговаривала ей сладким голоском пропущенные семинарские занятия: «Ох, пропоете вы, Соня, зиму красную!» Соня пропела все что можно: и осень, и зиму, и весну, музицируя на морозе и под дождём, спасая мёрзнувших мальчиков.

Впрочем, скромняге Коле Архипову вся его правильность тоже не помогла – вылетел, как и никогда не унывающий культмассовик Валерка Гапонов, с которым Юрик жил в одной комнате общежития ещё при поступлении в университет, молился на самодельную акварель бога Вараввы, выдуманного Валеркой перед экзаменами. Коля махнул на высшее образование рукой, уехал навсегда домой, в Якутию, а с Гапоновым Юрик столкнулся только что нос к носу на крыльце общежития: приятель обитает здесь у друзей и мечтает восстановиться на первый курс после зимней сессии. Он, как обычно, сыплет шутками, рассказывает анекдоты, впрочем, появилась и новая чёрточка в поведении: начал как бы незаметно озираясь по сторонам, оно и ясно – осенний армейский призыв не за горами.

Главной и неожиданной для всех потерей прошлой сессии была Марина Запольская. Что говорить, такой красотки-модницы и одновременно умницы дотоле не знал борисовский мехмат. Сам декан пытался вступить за нее, оспорить мнение Бабушки, что, конечно же, дорогого стоило, однако доцент Сахалинская осталась непреклоннее железной Эйфелевой башни. Даже теперь нехорошо делается, стоит вспомнить как их добрейшая Евстолия Николаевна, читавшая лекции с французским дореволюционным прононсом, буквально ни с чего пришла в неистовое бешенство, наголову разгромив прекрасно отвечавшую Марину, выгнала вон с экзамена, а заодно из университета и математики навсегда. И отнюдь не за списывание.

За минуту до грозы Бабушка лучилась утренним счастьем, была энергична и весела несколько сверх обычно принятой для её возраста меры. Юрик зашел в экзаменационную аудиторию с первой партией, взял билет, лежавший сверху, уселся за стол против экзаменатора. Чего бояться, когда знаешь всё? Написал теорию, решил задачу, хотел идти первым, но его опередила отличница зимней сессии Запольская, которая принялась отвечать настолько великолепно, что Бабушке ничего не осталось, как только радостно кивать головой. Вот будто бы юная внучка рассказывает престарелой баронессе, (и наряд, и благородное серебро высокой причёски соответствуют) как танцевала на губернаторском балу! Восхищение и любопытство разгораются в давно увядших глазах: «А ты? А он? А ты?»

Юрик тоже восхитился. Запольская не заглядывала в листочки, исписанные плотно, без пробелов, лишь изредка постукивая по нужным формулам авторучкой. А уж красива, чертовка, – глаз не отвести. Быть может, материал он знает и не хуже, но где взять артистизм, лёгкость, чтобы изложить его таким вот звучным голосом без малейшей запинки, словно поэму Лермонтова «Мцыри» на конкурсе чтецов? Нет, этак он не сможет никогда.

Старушка слушала Марину, слегка вытянув шею из кружевного белоснежного воротника и подставив ухо поближе к речевому потоку отвечавшей, белесоватые старческие глаза понятиливо и удовлетворенно моргали.

– ...множество S , состоящее из этих точек икс-энных бесконечно и, очевидно, не имеет предельных точек в R и тем более в E ...

Что там ни говори, золотая школьная медаль дорогого стоит! Напрасно Меньшикова фыркала, когда на её семинарах Запольская появлялась у доски. А кстати, почему, собственно, у доски, решая «звёздные» задачки, она частенько путалась? Юрик повернул голову к задней

парте. Сейчас Вера Михайловна тоже смотрела на отвечавшую недоуменно, будто не верила собственным тёмно-карым, широко распахнутым глазам.

– Почему очевидно? – вдруг спросила Бабушка с самым доброжелательным видом, как бы приглашая поиграть в некую веселую игру.

Оборванная на полуслове, Марина чуть нахмурилась:

– Так сказано в вашем конспекте, а также в теореме 2.41 в учебнике Рудина на странице 80. Очевидно – значит, не требует доказательства.

Старушка вкрадчиво поинтересовалась:

– И что вы всю эту страницу восьмидесятую наизусть помните?

– Естественно. Я помню, на какой странице Грауэрта, Фихтенгольца или Рудина изложена любая теорема, которая есть в конспекте лекций, а уж о самой теореме или следствии и говорить нечего. У меня феноменальная память.

Выражение её лица обрело горячий оттенок возбужденного восторга, однако на доцента новость произвела обратное впечатление. Бабушка скисла, выпятила нижнюю губу, отодвинулась. Потом вдруг рассердилась так, что не только студенты замерли на своих местах, но и старший преподаватель Меньшикова, женщина лет около сорока, видно, по старой студенческой памяти вжалась в стол, делаясь совершенно незаметной. Старушка пристукнула сухим кулачком, и аккуратно разложенные веером экзаменационные билеты упорхнули на пол.

– Теоремы нужно уметь доказывать самому, а не тараторить их наизусть! – воскликнула она. – Неужто вы таким глупым образом запомнили весь материал?

Знавшая себе цену девица вспыхнула не менее горячо:

– Я всегда хорошо готовлюсь к экзамену!

– И по всем математическим дисциплинам?

– Ну, а как же иначе? – лицо чудно покраснелось, глаза заблистали бриллиантами в сотню каратов каждый.

Она не могла понять, в чем её, собственно, винят. С негодованием пронзила Бабушку гневным взглядом, каким та Запольскую.

– Почему очевидно? Объясните, – уперлась доцент в стол обеими руками.

– Так написано, – гордо повторила золотая медалистка.

Выражение лица Сахалинской приобрело опасные черты, предвещая красоте даже не крупную неприятность, а просто-таки трагедию, катастрофу. Ах, кабы Марина поняла это и отказалась отвечать вовсе! Но нет, куда там, по привычке продолжила борьбу, не желая уступать никому и ни в чем.

– Как она решает задачи? – тихо спросила Евстолия Николаевна у Меньшиковой, не отрывая от Запольской прищуренного взгляда.

– Звезд с неба не хватает, – дипломатично ответила та.

– Но теорию я знаю! Всю!

– Здесь экзамен по математическому АНАЛИЗУ, – фальцетом вскричала старушка, – а не вечер художественной декламации. Ставлю «неудовлетворительно». Прощайте, голубка сизокрылая. Пересдавать можете даже не пытаться, настоятельно советую не терять драгоценного времени. Согласно внешним данным, а также памяти своей... феноменальной поступайте... да хоть на артистку учиться, со временем буду рукоплескать, коли доживу. Математиком вам не бывать.

Ошеломлённая Запольская переминалась у стола с зачётной книжкой в руках, совершенно убитая горем, не веря в происходящее. Причёска растрепалась, глаза, наполненные слезами, всё ещё полыхали искренним гневом и непониманием: «За что? За что вы меня убили?» Присутствующие обескураженно молчали вместе с погорелицей.

– Следующий, – доцент грозно посмотрела на Бармина. – Проходите отвечать, молодой человек. Посмотрим, что вы мне скажете.

Запольская, рыдая, выбежала вон из аудитории. Испытывая соблазн выскочить следом, Юрик встал, сделал два неверных шага, мешком свалился на стул рядом с бабушкой-доцентом, сладко пахнувшей горячей пудрой.

– Вопрос первый. Т-т-теорема Ролля, – слегка заикаясь, начал он и принялся как-то совершенно гадко путаться в предлогах и окончаниях.

– Пусть фунция эф нэпрэрывная на замкнутэм промежутках...

Бабушка бросила в его сторону раздраженный взгляд, посмотрела на Меньшикову, насмешливо констатировала:

– Хотя бы этот студент отвечает не точно по тексту, продолжайте, продолжайте, я вас внимательно слушаю.

Юрик осознал, что не выгонят немедленно, без права пересдачи, и перестал заикаться.

– Задачу решили? Минуточку, сама посмотрю. Так, так, где тут ваша зачётка, товарищ...?

– Бармин.

– Очень хорошо, – Бабушка вывела в зачётке «отлично». – Следующий, пожалуйста.

В коридоре зачётку рассматривали на просвет, все же первая пятерка в группе. Марина Запольская явилась в слезах и убежала, никому ничего не объяснив, – ждущих у дверей обуял первобытный страх перед неизвестностью. Теперь народ успокоился, однако жаждал знать, как и на чём провалилась умница. Бармин толком объяснить не смог, сказал, что не слышал, как она отвечала, сам в это время готовился.

И вот в сентябре по факультету разнесся удивительнейший слух, что Запольская летом действительно махнула в Москву и там поступила туда, куда её в сердцах благословила Бабушка, – прямиком во ВГИК. В скором и прекрасном для неё будущем Марина станет любимцей миллионов кинозрителей, народной артисткой, и это, кстати, не первый и не единственный вклад доцента Сахалинской в сокровищницу отечественной культуры. Лет за двадцать до приснопамятного экзамена, смылся в Москву не прощаясь, по-английски, бабушкин аспирант. Говорят, большой дока был в комплексном анализе многих переменных. В столице сей действительно многогранный талант с блеском окончил консерваторию, после чего навсегда уехал во Францию, в Париж, и вот там уже стал всемирно известным композитором Эдисоном Денисовым.

Что ни говори, умеет Бабушка пестовать истинные таланты!

2. Влетел – прыгай

Списки поселённых в общежитие висели в холле рядом с дверью коменданта. Поставив чемодан на пол, Юрик долго в них вчитывался, однако, несмотря на все старания, своей фамилии обнаружить не смог. Это обстоятельство так его удивило, что он даже не заметил старосту группы Белочкину, которая проходила мимо.

– О, здорово, – сказала Белочкина. – Сегодня приехал?

– Здорово. Только что с вокзала.

– Слышал, Соню Меламет отчислили?

– Слышал. Жалко Мармеладку. Не сложилось у нее с матанализом.

– Ну, да, во втором семестре вообще на занятия перестала ходить.

– Полянская из библиотеки не вылезала. Что толку? Горе от ума называется. А может, просто не судьба. Колю Артемьева отчислили, а какой дисциплинированный парень был... Нет, если уж не везёт, то не везёт. Вот нынче и я вылетел.

– Да ты что? Почему? Ты же всю сессию на пятёрки...

– Пока только из общежития – в списке поселённых отсутствую...

От коменданта выпорхнул замдекана Хвостов с кипой бумаг в руках:

– Что, Бармин, нет тебя здесь? Вот надо же умудриться быть круглым пятёрочником и общагу не получить! – отчего-то развеселился он, безбрежно улыбаясь тонкими губами, хотел что-то ещё добавить ехидное, но Юрик кинул на него сверху вниз хмурый взгляд и, как бы не найдя ничего интересного в искрящемся радостью лице замдекана, отвернулся.

Белочкина принялась изучать списки.

– Точно, нет. Конечно, на втором курсе не всем дают общежитие, но я думала, уж кому-кому, а тебе койко-место гарантировано. Погоди, а в моих стипендиальных списках ты есть. Вот, смотри, повышенная, пятьдесят рублей.

– Прибавка в десять рублей с учетом платы за частный угол нечто вроде бесконечно малой величины: никто не пустит на квартиру за десять рублей в месяц, таких цен просто нет в природе.

– А раньше что думал? – рассердилась староста. – Я тебе сто раз говорила: место в общежитии деканат дает за общественную работу, а за учебу добавляют стипендию. Ты, кстати, подумай, какую нагрузку возьмёшь в этом году.

– На третьем курсе тоже не всем места в общаге будут давать?

– Только у первого и пятого курса стопроцентное поселение.

– Хорошо, подумаю. Ладно, надо идти искать квартиру. В принципе, ничего страшного: двадцать рублей пойдёт на жилье, тридцать останется на пропитание. Можно протянуть зиму, если не шиковать и не завтракать.

– Есть куда вещи поставить?

– У тетки брошу.

Белочкина глянула на Бармина с удивлением и укором:

– Ой, была бы у меня тетка здесь, ноги бы моей в общаге не было!

Он подхватил чемодан и отправился к тёте Лизе в её однокомнатную коммунальную квартиру с общим коридором и кухней на три семьи. Обычно весёлая и громкоголосая Лизонька сразу грустила, подложила ладонь под подбородок, вздохнула длинно-прерывисто: «Охо-хо-хо-хо-хонюшки», покачала продолговатой головешкой в завитых на бигуди редких кудряшках, пригорюнилась тому, что племянник остался без места под солнцем. Неунывающий теткин сожитель, бывший милиционер дядя Василий, пригласил к столу, чем бог послал, но Юрик вежливо отказался, сказав, что бегать по городу надо засветло. И действительно, ему прямо не терпелось побыстрее обустроиться, найти свой угол в городе, раз и навсегда покон-

чив с неприятным квартирным вопросом, ибо ощущение бездомной неприютности вызывало противную неуверенность в завтрашнем дне, от которой жалобно сосало под ложечкой.

Поиски решил начать в непосредственной близости от университетской рощи: сразу за общежитием, стоит пересечь трамвайную линию, начинались кварталы деревянных двухэтажных черных от времени домов, срубленных в начале века.

«Хорошо бы найти недорого», – думал он, стучась в первые попавшиеся двери. Отворила старуха доброго своего вида.

– Чего тебе, молодой человек?

– На квартиру не пустите, бабушка?

– Да нам самим места нет, как вши на гашнике толчёмся. А кто тебя послал?

– Никто, я сам хожу ищу.

– Студент, что ли?

– Студент второго курса университета, – как можно солиднее представился Бармин.

– Вот что я тебе скажу, милоч, в нашем доме никто койки не сдает, а показать, где сдают на нашем квартале, – покажу. Почто не показать хорошему человеку?

Она вышла на крыльцо, затянула крепче платок на подбородке.

– Ты это, вон к тому дому сходи, наискосок через один, там спроси да в окошко то, крайнее постучи первого этажа с того угла. А если там не сдают, тогда все, на нашем квартале нигде больше нет, даже и не ходи, сам не мучайся и людей не мучай.

– Спасибо.

Бармин робко стукнул по деревянной, давно не крашенной большой раме, стекла к которой были примазаны не оконной замазкой, а самым обыкновенным пластилином, под лучами летнего солнца пластилин давно оплавился и протёк по стеклу грязью. Подождал и стукнул ещё. Потом ещё. На третий раз распахнулась форточка:

– Чего вам?

– На квартиру не пустите?

– А кто направил?

– Вон с того дома бабушка.

– Вот ироды окаянные, а то они не знают, что давно уже всё сдали. Ты чего в сентябре ходишь, какого прошлогоднего снега ищешь? Ходить надо было в июле месяце, уж самые-самые рохли, и те с августа начинают беспокоиться. Кто же в сентябре квартиру ищет, а? В нашей местности ничего не найдешь. Ты езжай таперича на Каштак или на Иркутский тракт какой. В центре давно все места расхватили студенты. Объявления смотри, на столбах расклеенные, но сейчас вряд ли найдешь чего. Может, только на самой окраине, на Черемошниках, какой пьяница сдаст угол. А как жить будешь? Не до учебы станет, это точно тебе говорю. Да и в пургу зимой трамваи не пойдут, и всё – до института не доедешь оттуда. Вот так-то студент.

Форточка захлопнулась.

– Спасибо, – поблагодарил за науку Бармин.

Неужто в таком количестве домов никто не пускает на квартиру? Ему не верилось. На всякий случай он бродил по ближайшим к университету районам, опрашивая старух, выходящих ближе к вечеру из домов поговорить друг с другом, но всё безрезультатно. На трамвайной остановке прочёл приклеенное объявление о сдаче комнаты, рванул по указанному адресу, подпрыгивая и распевая вслух песенку о вольном ветре. Однако там сдавали комнату в благоустроенной квартире за шестьдесят рублей в месяц, и притом не более чем двоим студентам. Платить тридцать рублей за место он был не в состоянии, на остальное не прожить даже при самой жесточайшей экономии, а потому после ещё полутора часов бесплодных поисков вернулся к Лизоньке, в её комнату, вкусно пахнущую пирогами с капустой, а Вася в нагрузку к пирожкам предложил попробовать пивка.

– Не переживай, – сказала тетка, накладывая ему на тарелку тех, которые попрохладнее. – Я схожу, может, завтра, если будет время, к вашей комендантше, переговорю с ней. Сегодня ляжешь на полу, матрац тебе постелю, одеяло с подушкой запасные имеются, и все как полагается.

Допив пиво из стакана, Василий поднялся, направился к дверям.

– Ты куда это наладился?

– Только до угла и обратно, как-никак племянник в гости пришёл.

– Сидеть! Нечего по магазинам летать, попили пиво и достаточно. Мои племянники не алкаши, понял?

– Да ладно тебе, будет ругаться.

– Кто ругается? Я не ругаюсь, пока просто разговариваю.

С утра пораньше Юрик снова отправился бродить по городу, читать объявления на щитах и столбах, искать, чего не терял. Занятия предстояли во вторую смену. К полудню на Московском тракте он увидел накорябанную простым карандашом бумажку на покосившемся столбе: «Сдам комнату студенту в Буяновском переулке...» Скоро его уже вели смотреть деревянный приземистый домик очень сложной конфигурации, напоминавший внутри лабиринт.

– Есть у нас одна темнушечка, без окон, правда, но зато совершенно отдельная, вот тут, сразу направо от входа, – говорила толстуха лет шестидесяти пяти в платке, завязанном по-пиратски и с редкими желтыми, будто от курения зубами, – два на два с половиной метра, здесь свет вот включим. Видишь? Только кровать одна и стоит. Зато какая кровать! Настоящая, двуспальная, с панцирной сеткой, никелированная. На такой кровати спать – сто лет жить.

Хозяйка отвела в сторону занавеску в грязно-жёлтую полоску и указала на кровать, занимавшую всю каморку. Душный, застоявшийся запах лампадного масла, смешанный с запахом старости, болезни, пахнул на него из темнушки. Разглядев в жёлтом слабом свечении лампочки кучу старых тряпок, сваленных на постели, Юрик инстинктивно отвернулся, как от голого трупа. Кто-то доживал в этом углу остаток лет и, видимо, совсем недавно дожил-таки до самого последнего своего дня.

– Вход совершенно отдельный, печку топить зимой два раза в день – утром и вечером, камелёк маловат, остывает скоро. У тебя вот здесь, в стене, только топка, и одна печная боковина, а вся остальная печь там, у нас, в другой комнате. Уголь в стайке, бесплатно, наберёшь в ведёрко, смочишь немного водицей, пока лучинок нащиплешь с полена и разожжёшь, пусть они разгорятся как следует, тогда только совком накидаешь полведёрка. Сразу всё не вздумай сыпать – затухнет, и не забудь выюшку открыть на полную. А как разгорится по-настоящему, без дыма, тогда можно добавить остальное... Да, вот так-то. Кажется – простая наука, а подика попробуй, да? Ничего, обвыкнешься, у меня уже сколько жили... Чуть не забыла, заслонка пускай будет открыта до самого конца, пока весь уголь не прогорит, не закрывай, иначе угришь, здесь пространство-то небольшое, быстро сморит. Ты дома с печкой жил?

– С печкой.

– А чего молчишь, словно воды в рот набрал? Я же тогда всё зря объясняю. Короче говоря, целиком эта отдельная комната идёт за тридцать пять рублей в месяц. Да, так вот ещё забыла сказать. Когда, значит, прогорит весь уголёк, то золу выгребешь в ведро, предварительно накрыв мокрой тряпкой, чтобы не задохнуться, и быстренько на мороз его тащи, на кучу, в снег, на улице, у столба, ну я покажу... Только после этого закрывать выюшку, не ранее. А если не закроешь, опять же, к утру всё тепло выветрится, так и замерзнуть недолго будет. Из поддувала тоже пепел выгреби, не забудь.

– У нас дома печь дровами топилась. Я с углём дела не имел.

– Дровами, говоришь? Нет, брат, на одних дровах мы сами прогорим, как шведы под Полтавой....

– Ну тогда извините, это мне не подходит.

– Да постой, не торопись. Куда спешишь? Послушай лучше меня, я тебе добра советую. Если найдёшь себе кого, то с двоих только пятьдесят рублей возьму. Разве не выгодно? Сплошная выгода и тебе, и ему.

– Нет, не подходит такой вариант. Я же говорю вам, что дровами топился, а с углём это сплошная морока выходит: ночью уже не выспишься, следить надо, когда всё догорит да когда выгребать. И угореть можно запросто, в два счёта.

– То-то и оно. С углём ухо востро надо держать, с дровами что, а тут – обстоятельства.

– К тому же мне стол для учёбы нужен и свет хороший. Как здесь уроки учить?

Тяжело вздохнув массивной грудью, хозяйка понурилась и замолчала. Студент размеренным шагом направился на выход.

– Пожалуй, сюда надо жить семейных отправлять, на такую кровать, а то на одном электричестве прогоришь, эвона сколько сожгут. А бабке нашей, царствие ей небесное, одного лампадного божия света хватало, – она громко засморкалась.

– До свидания.

– Жалко. Семейные в потёмках ребёнка в два счёта сделают, – продолжала хозяйка, жалуюсь Юрику, стоя на пороге домика и опустив бессильно руки по швам, – опять начнутся пелёнки да распашонки, стирка весь день напролёт, парить в тазах, сушить на веревках будут. Значит, сырость пойдёт, сгниет избушка за год. Эх, да что же за жизнь за такая? Куда ни кинь – всюду клин.

Бармин брёл по улице, не разбирая дороги. Глубоко внутрь закрался страх, что никогда не найдёт он себе угла в городе Борисове. Что делать? Куда идти? Где сдадут койку за двадцать рублей в месяц? Вот незадача, а! Надо в университет собираться, скоро занятия начинаются. А вечером опять к Лизоньке, людям надоедать? Отчего всё так неудачно складывается?

Возле старинных ворот с огромными столбами, поверху которых шла расписная резьба, курил невысокий паренёк в праздничной белой рубашке с закатанными по локоть рукавами да чёрных брюках. Одна тяжеленная створка ворот, так же как и столбы, усеянная росписью по дереву, косо висела на одной петле, другая и вовсе лежала в стороне от ворот, приставленная к забору в забытые лет двадцать, если не больше, успев обрасти со всех сторон прутьями тополей-сеянцев. Двухэтажный бревенчатый дом с узорными наличниками на окнах хранил стройность осанки, даже известное изящество, особенно в той плавной линии, по которой навес над парадным крыльцом переходил в балкончик второго этажа. Просто дух захватывает от восхищения при виде такого изящного балкончика, сделанного как резная игрушка-башенка.

Возле дома на раскладных стульчиках располагались дети с небольшими планшетами, рисуя сей чудесный балкончик. Очевидно, художественная школа проводит сегодня здесь свои занятия. Семь девочек и один мальчик. Рисунок с натуры. Графика простым карандашом. У некоторых получается очень хорошо. «Попробую спросить, – решил Бармин. – По морде же не набьют?» И подошел к парню, курившему с рассеянным видом у воротного столба.

– Здравствуйте. Вы не в курсе, тут на квартиру никто не пускает... случаем?

Паренек от неожиданного вопроса вздрогнул и качнулся, будто его крепко ударили по голове, после чего ошарашенно воззрил на Бармина. Вдруг глаза его оживились:

– Пускают. Мы пускаем, – вынул изо рта сантиметровый окурочек, с сожалением глянул на него, отбросил в кусты молодой тополиной поросли, среди которой догнивали заживо створка ворот. – Идём.

Радостно воспрянув к жизни, Юрик заторопился вслед за нарядным пареньком по ступеням уличного крыльца, они вошли в огромную дверь, расписанную деревянными узорами, такими же точно, как и весь дом, и стали подниматься по широкой лестнице с толстенными перилами, которые сильно раскачивались от малейшего к ним прикосновения руки, будто и он, бездомный студент второго курса Бармин, и прыгающий впереди будущий хозяин в дрезину

пьяные. На площадке меж этажами сидели друг напротив друга два кота с дико блестящими в полутьме глазами. Меж них на полу валялся обрывок газеты, оброненный с чьего-то мусорного ведра с пахучими селёдочными остатками.

– Брысь отседова! – гаркнул паренёк так лихо, что Юрик вздрогнул.

Однако коты и не думали пугаться, тем более отступать и драпать, ничего подобного, они разом подскочили, выгнули тощие хребты, задрали хвосты, изготовившись к бою за селёдочную голову и хорошо обсосанный скелет. Паренёк отчего-то обрадовался, врезал себя по колену, будто собираясь тут же, на хлипкой площадке с прогибающимися половицами, пуститься плясать вприсядку.

– Смотри, какие кошары боевые у нас здесь! – восхитился он. – Аж вздыбились! Вот бы сейчас граблями их причесать! – И радостно засмеялся шутке.

Благополучно заскочив на второй этаж, они оказались в длинном, узком коридоре, плотно заставленном вещами, затем в комнате, где за большим столом гуляла компания, столь же многочисленная, как и их студенческая группа. Проигрыватель сладострастно выводил «Отель Калифорния». Сидевшие за столом молча наблюдали, как крепкоплечий битюг, в белой тенниске, со спутанной копной волос на голове, держал пустую, уже перевернутую бутылку над рюмкой, цедя из неё последние капли водки.

– Двадцать одна... двадцать две...

– Нет, сорока не будет...

– Будет, – уверенно произнес битюг и, поднатужившись, ещё сильнее сжал бутылку лапой, так что горы мускулов задвигались на спине под тенниской.

– Я тут жильца надывбал, – сказал шедший впереди Юрика паренек, однако никто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Только битюг, махнув чёлкой и тоже не отрывая взгляда от горлышка, недовольно спросил:

– Какого, к черту, живца опять?

– За тридцать пять рублей сдадим крайнюю коптёрку.

В один момент комната расцвела множеством улыбок, все воззрили на Бармина, как на грядущего спасителя человечества, с радостно-недоверчивым выражением: неужели долгожданный мессия снизошел-таки на землю?

– Ну так води его скорее, показывай жилплощадь, за чем дело стало?

– Пошли посмотрим, – сказал парень Бармину. – Ты из каких будешь?

– Студент, в университете учусь.

– А...

Они снова углубились в какие-то печные закоулки, по узкому коридорчику протиснулись в комнату с одним приоткрытым оконцем, выходящим на улицу, по которой он только что шёл в совершенно безнадёжном состоянии. Теперь робкая надежда теплилась в груди. С удивлением Юрик осознал, что находится сейчас внутри того самого прелестного балкончика, которым восхищался, задрав голову, проходя по тротуару, и который снизу рисуют дети. Несомненно, тот самый, только изнутри. Следом за ними в комнату просунулись с радостным видом, подмигивая и икая, сразу две любопытствующие пьяные физиономии:

– Ну как, нравится? Задаток вперед – десять рублей.

– Пятнадцать.

– Да, пятнадцать рубчиков с тебя причитается, земля.

Кроме одной койки, старого комода и двух разломанных стульев, на которых свалена валом, как на базаре, самая разнообразная одежда, от почти не ношенных плащей до красивых блестящих мехом женских шуб, никакой другой мебели не было. Груда вещей, в том числе шапочек и сумочек, возлежала на кровати, застеленной лоскутным засаленным одеялом. Юрик понял, что попал совсем уж не туда, и сдал взад пятки.

– Э, да нет, тут стола для занятий нет. И не войдет он здесь, а мне заниматься надо.

– Заниматься будешь там, – махнул рукой парень в неопределенном направлении, – там у нас стол. Ты деньги гони, стол не заржавеет.

– И тридцать пять рублей для меня слишком дорого. Откуда у студента такие деньги, если я на стипендию живу?

– Ладно, давай сюда хоть тридцать, черт с тобой, нищета казанская.

– Согласен? – спросил появившийся в комнате главный битюг с пустой водочной бутылкой. – Тогда деньги гони и перетаскивайся хоть сегодня. Жить будешь, как у Христа за пазухой. Деньги есть?

Последний вопрос звучал примерно в той же тональности, что и в подростковые времена у школьных ворот, где шпана снимала дань со своих товарищей по пионерской организации. После ответа: «Нет», следовало предложение: «А ну, попрыгай!» И тех, у кого действительно не брякали в карманах монетки, выданные родителями на школьный обед, били тут же, сразу, что называется, не отходя от кассы.

Битюг с двумя подручными уже, не шибко церемонясь, надвигался от двери. Первоначальный паренек в белой нейлоновой рубашке стоял рядом – страховал.

«А ну, попрыгай, попрыгай, попрыгай... Вот влетел, так влетел!» – пронеслась в голове Юрика спасительная мысль, и он с места, без разбега, сгруппировавшись нужным образом, как учили на уроках физкультуры, лихо прыгнул на подоконник, опершись одной правой рукой и разогнув строго прямо вперед ноги, оттолкнувшись от подоконника, горизонтальным солда-тиком вылетел в раскрытое узкое оконце сообразительной птичкой, нашедшей дверцу в клетке.

Когда в восьмом классе мальчики на уроке физкультуры учились прыгать через «коня», физрук Жора, мужик честный и прямой, говорил им откровенно: «Пацаны, вы, когда летите, руки от снаряда не отымайте до последнего, пока не убедитесь, что перелетели до конца. А то останетесь мне здесь без потомства. Кто вам детей делать будет? Я, что ли?» Юрик через коня сигать не любил, а вот через меньший снаряд, именуемый «тумбочкой», летал много, разнообразно и с удовольствием, как сейчас через подоконник.

Из комнаты он улетучился покойником – ногами вперед, используя правую руку в качестве толчковой. Стоящий рядом товарищ-паренёк, будто провожавший в последний путь, пытался обнять на прощание, но не слишком успешно. Пожалел свою рубашку нейлоновую порвать, что ли? Юных художников под траекторией полета не оказалось, зато прямо по курсу вырос здоровенный тополь, пришлось на лету рулить пятками, дабы избежать непосредственного контакта, но все равно со всех сторон и по морде, и заднице его хлётко отстегали за дурость ветки, растущие непосредственно из серого, покрытого морщинистой корою ствола. «Кажись, повезло», – успел подумать, приземляясь по-кошачьи на четыре лапы сразу, с радостью ощутив под ладонями не асфальт, а мягкую землю, сдобренную помоями.

– Грабют! – раздался вопль сверху.

– Держите вора!

Юные любители изобразительного искусства тотчас подхватили свои стульчики и чесали в разные стороны, как только об асфальт трахнулась, разлетевшись на тысячи осколков бутылка, с недопитыми двадцатью каплями водки. Встреча с прекрасным на сегодня была для них завершена.

Вечером тётя Лиза обнадежила его известием, что была в общежитии, разговаривала с комендантшей. Договорились, что та поселит Юрика за небольшую мзду в тридцать рублей подпольно. Тётка была довольна результатом своего похода, а дядя Вася нет.

– Жил бы да жил у нас, – сказал он, похлопывая себя по животу, – много веселее было бы!

Лизонька снова не на шутку рассердилась:

– Ну чего ты мелешь, старый дурак? Ребёнку заниматься надо, а ты со своим пивом приставать будешь. И молчи, молчи даже без звука, сиди и молчи, а то я просто не знаю, что с тобой сейчас сделаю!

Благоухающий одеколоном Василий отечески ласково подмигнул Юрику и с задорным выражением непротивления злу насилием принялся хлопать себя по пивному пузу, как по большому рокерскому барабану, выбивая негритянский ритм.

Утром Лизонька и Юрик направились в общежитие, где Бармин присел у входа на стул чужим человеком и несколько тягостных минут ожидал решения судьбы. Следует отдать должное тётьке, дельце она обтяпала по-быстрому. Не успел он напугать себя мысленно как следует, что вот сейчас из-за угла холла появится наряд милиции и их с Лизонькой на пару и с комендантшей в придачу, всех вместе затолкают в тюремную душегубку и увезут... как они появились из-за того же самого угла со знакомой рыжей комендантшей в невзрачном рабочем халате, с привычно сонным выражением лица.

Он благодарно ей улыбнулся: с радостью отдал бы и все пятьдесят, лишь бы не мотаться больше по городу, не искать мифический пятый угол. Слава богу, в системе университетского образования существует взяточничество! Слава! Слава! Аллилуйя! Без неё студенту Бармину никак не выжить. Сколько денег потребовалось бы выложить за тот частный угол, платить целый год! Да иди найди ещё его!

– Вот оно, чадо непутёвое, – сказала тетка с теплой материнской интонацией.

Равнодушные глаза скользнули по Юрику, тотчас узнав до последней наволочки, которую он «потерял» по собственной дурости в прошлом году.

– Добро. Идём, чадо, – усмехнулась комендантша. – Вселю тебя к первокурсникам. Сейчас сбегашь в кассу университета и плату внесёшь сразу за весь год, понял? Квитанцию мне сдашь.

– Меня потом не выселят?

– Нет, их по списку в этой комнате трое. Если какие прения начнутся – скажешь. У меня разговор с первокурсниками бывает короткий: не нравится – уходи.

Через пятнадцать минут Бармин отдыхал на собственной постели один в комнате на четверых. Его будущие соседи-первокурсники отбывали месячную трудовую повинность в колхозе. Казалось бы, лежи – блаженствуй, но снадало ощущение, будто только что проглотил совершенно несъедобную дрянь. Нет, Юрик не питает дурных чувств к комендантше. Что ни говори, она с риском для себя спасла его на год. Пусть за плату. Но сколь бы пришлось выложить сверх того денег, нервов и здоровья, обитая в борисовских гнилушках, – одному богу известно. А кто бы там стирал ему постельное бельё? Здесь другое дело, пожалуйста, каждую неделю иди и меняй. Нет, ей он благодарен. Что же тогда грызёт? Ухмылка замдекана Хвостова? Кстати говоря, светиться перед деканатом и хвастать, что он проживает в общежитии, несмотря на их высокое решение, не следует. Общественной работой Юрик по-прежнему не занимается!

3. Фрукты в постель

В сентябре-октябре почти не учились: картошка сменялась морковкой, морковь капустой. Впрочем, уже то хорошо, что второкурсников не посылают в колхоз на целый месяц, как бедный первый курс, – уже много легче. Просто каждый день с утра на автобусах их вывозят за город на раскисшие от непогоды поля, где они весь день работают под дождём или снегом, а вечером, грязных, усталых и очень голодных, привозят обратно в город. Иногда забывают привозить, тогда приходится топтать самостоятельно по раскисшим сельским дорогам километров десять. Сегодня они тоже пришли пешком. Отопление в общежитии еще не включили. Очень холодно, мокрая одежда не сохнет. Фуфайку, штаны Юрик развесил на верёвке в комнате. По вечерам замёрзшему и одинокому человеку, обитающему в общежитии на птичьих правах, кажется, что всё кругом неисправимо плохо, а дальше будет только хуже. Совершенно гнусное существование: тихо лежи в холодной, промозглой темноте и молчи, дабы деканат про тебя не узнал. В дверь громко постучали.

– Если не боитесь свинки, заходите.

– А где подхватил? – внутрь его конспиративной квартиры проникла Эля Грамм.

На ней новый яркий восточный халат.

– Ты ещё спроси, что болит, – продолжая бесстрастно глядеть в потолок, отвечивал Юрик.

– И что?

– Горло, девушка, горло. А вы про что подумали?

– Вставай, идём.

В комнате Грамм собралась почти вся группа. Посередине опять, как и в прошлом году в это время, стояла огромная коробка из-под цветного телевизора, полная яблок, груш и винограда, на полу небольшие круглые дыни, источающие сладость, а на столе уже разрезанные на ломти ярко-красные арбузы с медовым ароматом и яблоки в тарелках. Над всем этим великолепием витал чудесный аромат фруктовых рядов базара.

– Откуда благодать?

– На поезде привезла из родного Казахстана. Угощайся. Народ, напоминаю: на столе всё уже мытое, что в коробке – мыть самим.

Юрик взял грушу, яблоко, легко впрыгнул на кровать Грамм, за спину сидящей подружки Колокольчик. Рядом с Колокольчиком присела и Эля.

– Ну ты фрукт, – отреагировала Колокольчик, – залег сразу, как в плацкартном вагоне.

Под её растянутой майкой, великоватой на пару размеров, на худенькой спине все позвонки наперечёт. Колокольчик тоже не получила общаги, кантуется нелегально у стройотрядовских подружек. Он вонзил зубами в граммовское яблоко, а глаза – в её талию. Подушка пахла загадочными девичьими снами. Так бы и уснул здесь, в сладком тепле общественного дыхания, ощущая, что бесследно тает усталость и безысходность последних дней, растворяясь без остатка в фруктово-девичьем аромате.

Съев грушу, Юрик попросил добавки, проведя пальцем по углублению, в котором успешно прятался позвоночник Грамм.

– Чего тебе?

– Кисточку винограда, пожалуйста.

– Ну ты, Бармин, на глазах наглеешь.

– Знаю. А что делать?

Грамм развернулась с намерением произнести разгромную фразу, но отчего-то передумала, встала и, так как на столе винограда уже не осталось, взяла несколько кистей на тарелку из коробки, пошла на кухню мыть. Как человечно её снисхождение, просто плакать хочется

от счастья! А вернувшись, выбрала самую большую гроздь, села на прежнее место, однако не отдала сразу, стала кормить из рук, отрывая по ягодке пальцами с длинными лакированными ногтями, похожими на клюв птички, и вкладывать их в рот птенчика Юрика. Естественно, для этого ей пришлось к нему развернуться. Оттого, что виноградинки попадали в рот слишком часто, он не успевал их толком разжевывать, глотал как попало, на глаза навернулись слезы.

– Ладно, мне, пожалуй, пора, – Колокольчик встала со своего места и торопливо, шаркающей походкой из-за слишком больших тапочек выскользнула из комнаты, прихватив на прощание со стола яблоко, самое маленькое среди прочих.

– До свидания, прелестное создание, – Грамм даже не обернулась, настолько захватил её процесс кормления.

Перекинула руку через Бармина, зависла над ним, упершись о край кровати у стены, приблизив виноградную кисточку ко рту Юрика, с интересом наблюдая за движениями губ, которыми он пытался схватывать и отрывать ягоды. Когда удавалось схватить, тянул к себе, Грамм кисточку – к себе. В пылу незаметной посторонним борьбы длинный отворот восточного халата отошел в сторону, приоткрыв исключительно для Юрика грудь, живущую свободно, безо всяких вспомогательных средств. Он обомлел, открыв рот, выпустив ягодку. Свет свободно проникал за пазуху, и скрытое от всех, кроме него, тело светилось розовой нежностью неукоснительно совершенных форм.

Во рту имелась прежняя виноградинка, которую боялся теперь жевать, чтобы не подавиться от восхищения, впитывал в себя соком млечный свет, исходящий от обнаженной в его сторону груди. В комнату быстро наперегонки вбежали Гапонов с Копытовым.

– Где здесь фруктами кормят?

– На столе мытое, в коробке немытое, – автоматически повторила Грамм, переводя взгляд от его губ к глазам.

– Груши такие сладкие! – радостно воскликнул Рифкат, вводя очередных гостей в курс дела, и посмотрел благодарно в сторону хозяйки, но тут же застенчиво отвернулся к Мурату, который как раз догрызал грушу, держа её обеими руками, как зайчик морковку.

– Прямым ходом из Алма-Аты Эля привезла.

– Попробуем, попробуем, всё попробуем, – согласился Гапонов, выбирая местечко, с которого можно было дотянуться до стола. Все кровати были плотно обсажены, кроме граммской, но народ потеснился, находя место для новичков.

Халат был восточный по расцветке, но отнюдь не по форме. Слишком короток. Две обнаженные коленки прижаты к его руке, Юрик чувствовал исходящее от них тепло и собственную ответную благодарность. Он ощущает себя находящимся как бы внутри Грамм, ибо она – вся вокруг, вобрав его без остатка, будто маленького ребенка. Волосы на её голове золотились. Внутри Юрика вспыхнул ужасный жар, даже дышать сделалось затруднительно, так велико восхищение. Опасаясь сгореть заживо, он поблагодарил за угощение, ни на кого не глядя, слез с гостеприимного местечка и тихо вышел в коридор.

В коридоре, улыбаясь как своему старому лучшему другу, к нему подошел третьекурсник, с которым прежде они даже не здоровались.

– Привет, ну как жизнь? – третьекурсник подал руку в виде именного подарка.

Бармин удивился, но руку пожал.

– Нормально. Привет.

– Нужна твоя помощь. Я тебе доверяю и скажу всё до конца. Мы тут в стройотряде заработали неплохие бабки, но средняя зарплата получается слишком высокая и бухгалтерия не отдает. Тебя можно вписать в ведомость на получение денег?

– Вписывай, не жалко.

– Спасибо, но нужен твой паспорт. Дай на денек.

Конечно, по правилам паспорт никому отдавать не полагается, но вроде как он уже пообещал и отказаться неудобно. Паспорт Юрик отдавал с мыслью: «Поди ничего плохого не будет?»

Но все равно – раньше было лучше. Лежа в холодной, пустой, тёмной комнате, легко вспоминается прошлогодняя жизнь. На первом курсе деканат с особым остервенением гонял их на картошку с морковкой и капустой под снегом и дождём уже после возвращения из колхоза, вплоть до ноября месяца, пока снег полностью не укутал сугробами поля. В общежитии все стучали зубами в холодных комнатах с ледяными батареями, и тут вдруг: здравствуйте вам! – в гости заявляется Мармеладка.

Низка ростиком, маленькое и круглое, как у ребенка, лицо в очках, курносый носик, на голове пышная химическая завивка, благодаря которой Сонька походит на белую негритянку. А ещё на гномицу, которую, благодаря прогрессу медицины, удалось дорастить почти до человеческого роста, но непропорциональность частей тела все же осталась. Она заключалась в слишком большой груди, которую Мармеладка подчёркнуто обтягивала тонким свитерком, и в штанах, из-под которых рельефно выпирали мощные бёдра настоящей взрослой женщины. А голосок у Соньки тоненький, совсем детский.

Остановилась подле кровати, на которой он лежал, укрывшись пальто:

– Заболел, что ли?

– Нет.

– Нет... А чего валяешься? Можно, я тоже поваляюсь?

С размаху запрыгнула сверху, радостно вопя Бабой-ягой: «Поваляюсь, покатаюсь, Юрикова мяса наевшись!»

Бармин пытался спихнуть с себя нападавшую как можно аккуратнее, чтобы, не дай бог, не захватить рукой в грудь, или живот, или лицо, или ноги – никуда нельзя толкать, оставалось вцепиться в пальто, которым накрывался, и, резко вращаясь, как-то ухитриться сбросить чертовку на пол. Но Сонька мёртвой хваткой вцепилась в то же пальто и громко выла:

– Останься со мной ещё хоть несколько минут, не уходи, любимый!

Резко толкнул уже без всяких церемоний: Сонька налетела на с любопытством наблюдающего за схваткой Рифката и, охватив его за пояс, бухнулась в кровать с весёлым криком: «Ой, помогите, люди добры: девушку убивают!»

Меж тем глаза её бесовски шныряли из-под очков перламутровыми пуговками, на которые капнули по капельке оливкового масла. Кудрявая головка напоминала барашка, готового попасть на жертвенное заклание. Она отчаянно боролась с Рифкатом, который быстро развеселился в процессе отцепления от себя чрезвычайно прилипчивого и мягкого тела Мармеладки.

– Как тебе не стыдно! – взвизгнула Сонька. – Не смей трогать меня своими грязными лапами, можно брать только за руки до локтя. Понял, оболтус?

Рифкат умудряется вывернуться, схватить руку, завернуть, как милиционер правонарушителю, и, толкнув носом в подушку, отскочить. Лицо Мармеладки скривилось от обиды. Она неспешно высморкалась в платочек: «Ладно, я с тобой разберусь как-нибудь в другой раз». После чего, выставив хищно пальцы, кинулась на Марика, который до того момента стоял посередине комнаты, делал различные физкультурные упражнения, чтобы быстрее высохнуть и согреться, глядел своими выпуклыми глазами на очевидное безобразие с видом крайнего недоумения и время от времени расчесывал гребешком пушистый кок на голове. С волос обильно сыпалась белая перхоть.

Если Глузман и не был кандидатом в мастера спорта по теннису, о чём много хвастал, то, несомненно, обладал первоклассной реакцией: буквально на лету ловко поймал этот снаряд по утверждённым правилам, за локотки, развернул в воздухе и, дав пинка коленом под тугую обтянутый зад, отправил в полёт на многострадальную Колину кровать, оставшись как ни в чём не бывало стоять с насмешливой улыбкой на красиво изогнутых губах.

Сонька страшно на него обиделась.

– Ну и гад же ты, Глузман!

– От такой слышу, – невозмутимо отвечивал спорторган группы, продолжая с удовольствием расчесывать и укладывать верхние пряди кучерявого кока, который по мере высыхания всё увеличивался в размерах, напоминая в обычном состоянии скирду сена нестандартной формы.

Падение Меламет на кровать привело к сбиванию матраца, чего Коля, до того скромно стоявший по струнке у дверей, вытерпеть уже никак не мог. Осторожно приблизившись к краешку кровати, принялся торопливо приводить в порядок свою постель. Недолго думая, разъярённая Сонечка тигрицей запрыгнула ему на спину, схватила обеими руками за воротник, кусая рубаху в приступе необъяснимой жестокости. Якут Коля Архипов испуганно скосил чёрный глаз, как олень, с наброшенным на рога лассо и, не удержав веса маленькой, но чрезвычайно энергичной чертовки, рухнул вниз. Он сам не слишком велик и ростом, и весом. К нему на помощь заспешил Рифкат. Опытным дружинником прыгнул сверху на Сонечку, под которой отдувался Коля. Заглянул своими очками в её очки:

– Что, сдаешься?

Было видно, что борьба с Сонечкой доставляет ему немалое удовольствие: он согрелся, ему наконец-то тепло.

– Нет! – отвечала Сонечка гордо. – Ни за что!

Тогда Рифкат принимается дюйм за дюймом стаскивать девушку с Коли, на что Мармеладка отвечает довольно громко, призывая к своему унижительному положению общественное внимание из коридора:

– Куда вы меня тащите, такую молодую? Я девушка ещё! Меня нельзя... таскать... где попало!

Рифкат оказался натурой не менее неукротимой, чем Сонька, и добился-таки своего: бросил её на свою кровать, вновь завернул одну руку, потом вторую, засунув лицом в подушку, сам уселся худеньким костлявым задом на величественные женские бедра, начал допытываться с оперативным пристрастием:

– Не будешь больше бедокурить?

Сонечка орала изо всех сил, билась кучерявой головой, вздымая кучи пыли, однако подушка сильно мешала членораздельности её речи. Кажется, она кричала: «Не буду!» Но по отдельным вырывающимся звукам определить точно на сто процентов, что это действительно так, а не «Убью!», было невозможно. Во всяком случае, Сабиров продолжал сидеть на ней, недоверчиво заглядывая в ухо, и не выпускал девичьих маленьких ручек, успевая щеко-тать ей пальчиком вывернутую ладошку.

В комнату постучалась и сразу вошла комсорг Великанова якобы за расписанием о завтрашнем английском и алгебре. Увидев Сабирова на Меломет в странной позе, она сделала большие глаза:

– А что это вы тут творите такое, молодые люди?

Сабиров растерялся, выпустил руки Сонечки, тем более что из её подведённых тушью глаз фонтанировали самые настоящие слёзы и подушка быстро намокала чёрным цветом. Освобождённая, она ещё некоторое время лежала на кровати, тяжело дыша, потом встала, натянула на живот сбившуюся до груди кофту.

– Соня, Рифкат, в чём дело? Я вас спрашиваю, – уже с начальственной интонацией допытывалась Великанова.

– Да, Рифкат, в чём дело? Почему кровать в беспорядочном состоянии? – ещё более командирским басом загремела Сонька, указывая пальчиком на его постель, на которой успела вдоволь навалиться.

– Счас, счас всё поправлю, – Рифкат нагнулся, чтобы расправить покрывало и подоткнуть сбитую простынку, и тут же с воплем мартовской кошки на него запрыгнула неукротимая пантера Мармеладка.

Вцепилась руками в шею, а ногами обхватила тощую талию, если таковая имелась – Рифкат тонкий, ровный, как спичка. Оба бухнулись опять в постельную люльку, где и продолжили бескомпромиссную борьбу в присутствии комсомольского начальства.

– Соня, что ты себе тут позволяешь? – завопила Великанова, принимая самое активное и непосредственное участие в отрывании Меломет от Сабирова, чуть не сломав ему шею, а очки улетели под кровать.

– Э-э, вы поосторожней, девушки, – разозлился Мурат, доселе пытавшийся читать. – У него же линзы на минус восемь. Если разобьются, что он завтра на занятиях делать будет? Совсем обалдели!

– Девушки не должны себя так вести, – подтвердила комсорг.

– Да? – поразила Меламет, надсадно морщась. – А ты уверена, что я девушка?

– Ну, это уж совсем... ни в какие рамки...

Взбешённая Великанова всё же утащила Соньку из комнаты. Обе были страшно недовольны друг другом. В коридоре они свистящим шёпотом обменялись парочкой крепких фраз, после чего разошлись. Очки Рифката не разбились. Достав их из-под кровати, он сдул пыль, нацепил на нос и, довольный, стал делать колебательные движения руками в разные стороны, показывая, как расползались по своим делам Сонечка Меламет и Лида Великанова. Эх, приятно вспомнить, какие чудесные, теплые люди учились в группе!

4. Радости и горести познания

С получением стипендии тонус студенческой жизни сильно поднялся: по этажам разнеслись запахи борща, сваренного на настоящих костях, а не из пакетиков. В кухнях на конфорках под бдительным присмотром сладко дымятся кастрюли с киселями, местами даже компоты из сухофруктов. Жизнь бьет ключом. Глаза студенток начинают тревожно блестеть независимо от того, что последние листья давно облетели с деревьев и бабье лето вроде кончилось. Жить бы да жить! Но все портит математический анализ.

Как всегда, доцент Сахалинская заскочила в аудиторию с резвостью тринадцатилетнего шалопая, взлетела за кафедру по-юношески бодро и оглядела зал, жаждущий математических истин, со счастливым лекторским восторгом. В ту же минуту с разных мест аудитории поднялись пять человек – старосты групп, и помчались сверху вниз по ступеням навстречу преподавателю, как слаломисты, вместо лыжных палок неустрашимо вздымая огромные букеты роз. Окружив, заговорили взахлеб, наперебой:

– Дорогая наша... уважаемая... родная... Евстолия Николавна... поздравляем... да... поздравляем и желаем всего-всего... с семидесятипятилетием... с юбилеем вашей... нашей жизни... желаем от всей души... по поручению... и от лица...

Сахалинская вертела головой в разные стороны, поворачиваясь к тому, кто в данный момент громче выкрикивал. После торжественного момента она ещё пару мгновений благодарно разглядывала свой поток, после чего принялась носиться у доски молоденькой теннисисткой, а огромная аудитория следила за кусочком мела, скользящим по доске из угла в угол, как за мячом. Причём, в отличие от посетителей матча, слушателям приходилось записывать не только то, что она пишет, но желательно и то, что говорит. Из-под пера Юрика выходили рваные каракули.

– К семидесяти пяти годам, – мечтательно вздохнул Иванпопуло, уронивший ручку под стол и не полезший доставать, – я уже давно выйду на пенсию, благополучно попаду в дом престарелых, где буду кидаться в нянечек манной кашей. А тут, смотрите-ка, расцвет таланта.

Он сидел развалившись, на затылке вихры, вид заспанный. Не успел Юрик толком записать формулировку теоремы, бабушка уже её доказала, разрисовав полдоски значками интегралов, похожими на маленькие скрипичные ключи в нотной тетради знаменитого композитора, рассказала смешную историю и сама первая рассмеялась заразительным смехом, безбоязненно трясая вечерней причёской баронессы, как бы приглашая всех присутствующих повеселиться вместе с нею.

– Это старческий маразм, – констатировал Марк Глузман, сидевший выше, почти над Юриком. – Уж я-то знаю, с моей бабушкой было такое. Она лет с восьмидесяти хозяйство передала тете Рите и начала за здоровьем следить да моцион выгуливать по Одессе. С утра по Дерибасовской прошвырнётся до моря и обратно. Как домой вернётся, скушает супчик с рисом, полкурочки слупит и снова на Дерибасовскую прохладиться. Вечером в Аркадию обязательно гулять с веером. А потом плутать начала: то на Привозе её найдут, то в Краснодаре у подруги детства. Короче, посадили под домашний арест. Она так по комнате металась, так металась... вы себе представить не можете, вот точно Евстолия Николаевна сейчас у доски, то же самое. А через три дня умерла.

– Товарищ Глузман, вы что-то не можете понять? – нацелилась на Мараню кусочком мела бабушка.

– Напротив. Мне всё абсолютно ясно, – важно произнес Глузман с интонацией профессора-диагноста областной психбольницы.

– Неужели всё? – воскликнула бабушка изумлённо. – В таком случае имеем перед собой уникальный феномен. Для данной темы это чрезвычайно большая редкость, когда студенту

всё ясно с первого раза. Попрошу выйти с конспектом. Посмотрим, каким образом лекция преломилась в вашей гениальной голове и что имеется на выходе в тетради.

– Поняли, какой у неё слух? – зашептал Глузман окружающим, вставая. – А на экзамене придуряется: «Говорите громче, я плохо слышу».

– Что? Вы говорите, пожалуйста, громче, я плохо слышу.

– Знаем, знаем, как вы плохо слышите, – бубнил совсем под нос Глузман, сбегая вниз по ступенькам с конспектом.

Бабушке хватило одного взгляда:

– Товарищ Глузман, к вам надо срочно прикрепить кого-нибудь из учебно-воспитательной комиссии. Староста, передайте в деканат, пусть с ним позанимаются дополнительно, иначе... – она щёлкнула по конспекту пальцами. – Чувствуется полное непонимание... и в сессию в вашей группе опять будут потери.

– Да, и на этот раз вы точно меня потеряете, – расхныкался Глузман, возвращаясь обратно. – Девушки, все слышали? Поэтому срочно любите и уважайте, пока есть время.

Второй час бабушка проводила ещё более энергично и весело. Казалось, усталость в принципе неведома её семидесятипятилетнему организму.

– Откуда что у человека берётся? – уже без всякой зависти вздыхал Иванпопуло, глядя на бабушку и по-прежнему не конспектируя. – Тут вроде ничего не делаешь, а сидеть невозможно: голова падает, веки слипаются.

– В карты резались?

– Если бы... Просто двойной завтрак съел, теперь в сон кидает. Что там следующей парой, не знаешь? Пойти домой, что ли, да выспаться как следует?

– Профессор Пахлеаниди. Если под переключку попадешь, всё. Люди говорят, зимнюю сессию до лета пересдавать будешь.

– Тогда надо идти, чёрт бы его вовсе побрал.

Профессор топологии Пахлеаниди явился на свою лекцию в маленькой аудитории геологического крыла главного корпуса, которую он предпочитал всем прочим, не один. В традиционную свиту входят молодой аспирант с вопросительными круглыми карими глазками и неумным хохлом на голове и столь же юная аспирантка с лицом белым и ангельски кислым, будто отмоченным хлебным квасом. Аспиранты топологии двигались парочкой, придерживая друг друга, точно опасались, что им скажут нечто такое, отчего немудрено свалиться в глубокий обморок. Кроме них к пахлеанидьевской свите причислена женщина средних лет, с замершим раз и навсегда лицом, про которое можно подумать, что на него наступили однажды невзначай и оттого произошло полное онемение мускулов. Задачей «женщины в маске» является составление новых курсов лекций профессора Пахлеаниди, славившегося своими учебниками, то есть запись их с последующим редактированием и сдачей в набор университетскому издательству. Чтобы вместить сию святую троицу на передний ряд, прочим приходилось ужиматься до крайности, а некоторые за неимением места в мизерной аудитории, к тому же заставленной старинными шкафами с минералами, вынуждены писать свой конспект, разложив тетради на коленях.

– Ничего, – благодушно начал профессор, – в тесноте, да не в обиде.

Это был человек лет пятидесяти пяти, совершенно бухгалтерского вида, с большими залысинами и хотя в костюме из доброго сукна и без нарукавников, но локти пиджака лоснились от многолетнего шарканья по письменному столу. Говорил Пахлеаниди скрипуче-недовольным голосом, так что все, включая несчастных аспирантов, почему-то чувствовали вину за свои тайные прегрешения.

– Здесь, по крайней мере, ещё витает дух науки, а во втором корпусе его никогда не было.

Мнение весьма спорное, но никто не спешил его оспаривать, и профессор, тяжело набрав в грудь воздух, продолжил:

– Итак, будем заниматься здесь. Старосты, попрошу списки групп с отсутствующими на стол без напоминаний.

Списки уже лежали на столе. Он сделал переключку, хмурясь, разбирая фамилии, отмечая отсутствующих с выражением, которое не предвещает им в будущем ничего хорошего.

– Грамм есть?

– Болеет.

– Разве она предоставила медицинскую справку?

– Нет ещё, – засмушалась староста.

– Тогда надо ставить, как и всем, «н», а не «б». Когда справку принесёт, тогда поставим «болеет», а пока просто «нет».

Читал он сухо, почти сердито, трескучим голосом, используя исключительно математические термины, не позволяя себе отвлечься на какую-нибудь постороннюю историю или, скажем, пошутить, не давая слушателям ни минутки на расслабление. Вследствие малых размеров аудитории дремать тоже оказалось абсолютно недопустимо. Иванпопуло сидел, упершись указательным и средним пальцем в бровь, а большим – в щеку, таким образом раздирая левый глаз, чтобы он случайно не закрылся, правому приходилось моргать за компанию. Досидел до перерыва и ушёл, но профессор заметил, что в аудитории стало не так тесно, и снова провёл переключку, обнаруживая фамилии беглецов.

– С этими голубчиками разговор состоится отдельный, – пообещал он ехидно, – а с вами продолжим наши изыскания далее.

Однако настроение профессора из-за бегства дезертиров оказалось безнадёжно испорченным. К тому же Пахлеаниди был хроником по многим болезням, ему и без того тяжело, а тут...

– Вот мы, старшее поколение, скоро уйдём на покой, – проговорил он дребезжащим голосом, оборвав лекцию на полуслове, прикрыв глаза тонкой синеватой пленкой века и морщась, видно, от боли. – А кому передавать дело, позвольте вас спросить? Некому, абсолютно некому.

Пленка вдруг сдёрнулась с глаз долой, и те, круглые, цвета арбузной корки, беспощадно вцепились в следующее поколение, мелкое, как горох на полу. Женщина с омертвевшим лицом продолжала невозмутимо конспектировать. Аспиранты слились воедино, довольствуясь одним стулом, и возле них образовалось свободное пространство, которое не стремилась занять крайняя к ним комсорг Великанова.

– Кого я вижу перед собой? – всё ещё слабым, вроде даже подобревшим голосом произнёс профессор, раскачиваясь сухопарой фигурой. – Сколько вам лет, студенты-математики? Уже восемнадцать? Деятнадцать? Кому больше? О, двадцать? И что? Чем прославились в ваши годы? Есть у вас статьи в журналах? Победы в международных олимпиадах? Может быть, идеи имеются интересные? А ведь ничего такого нет, я вижу, и оттого мне становится обидно и печально. Урысон создал топологию в двадцать пять лет, а в двадцать семь уже утонул в Бискайском заливе, во Франции. Нет, дорогие мои, с удовольствием позвольте заметить, что вам не суждено утонуть в Бискайском заливе, но от этого никому не делается легче. Блеска радости познания в глазах не заметно, да-с! Вам не только свершить ничего не дано, но даже и порывы неведомы, вот в чем проблема!

– Ну уж! – попытался сопротивляться сын проректора Тычинкин.

– А вы слушайте, слушайте старика, вам этого никто больше не скажет. Я есмь сильнейший тополог за Уральским хребтом, да будет вам известно! И говорю прямо: если нет блеска, работать надо! А то оканчивают университет с красными дипломами, в аспирантуру поступают, а простейших вещей не знают и не понимают! – при этом Пахлеаниди воззрил на свою аспирантку, и та сделалась ещё тоньше, таких на стул с десятков уже войдет. – Да-с, милейшая,

к вам обращаюсь непосредственно, просто нонсенс какой-то вы мне в отчете представили! Второкурсник такого не напишет, чего вы напридумывали!

– Не обращай внимания, – вдруг тихо, но отчётливо произнес аспирант, – у него опять язва разыгралась.

– Да, язва! – вскричал Пахлеаниди. – А кто не заработает язву, имея таких учеников? Позвольте мне тут молчать и слушать, когда с вами руководитель разговаривает!

Женщина в маске строчила по страницам невесть что. Аспирантка поднялась и молча выбралась из аудитории вон. За ней подскочил было аспирант, рука его с вытянутыми пальцами устремилась вослед исчезнувшей, но он нашёл в себе силы опуститься на прежнее место.

– Что же вы не уходите? – озорно подмигнул Пахлеаниди. – Идите, успокойте девушку. Боже, какой детский сад, с кем приходится работать!

Аспирант схватился за голову, пытаясь причесать хохол, но тот вырывался из рук и стоял непоколебимо.

– Ну... это уж я совсем не знаю что, – сказал молодой человек. – ...Это как бы совсем вне рамок, – и вылетел следом из старинной аудитории с геологическими образцами прошлых эпох.

– Да. Точно, – профессор схватил список группы, по которому проводил переключку в начале лекции, и назвал первую попавшуюся фамилию:

– Глузман.

Тот скучно посмотрел по сторонам, запустил пальцы в кучерявую шевелюру, встал:

– Да?

– Что да?

– А что Глузман?

– Дайте мне определение топологического многообразия!

– Локально евклидово пространство называется топологическим многообразием, если оно хаусдорфово и обладает счётной базой.

– Хорошо. Тогда, товарищ Глузман, знаете что? Ах, нет, пожалуй, не то, ещё нет, это же тривиально, свойства какие-нибудь назовите.

Глузман потоптался, наклонил голову, прочёл ещё две строки из книжки, лежащей на столе:

– Многообразия локально компактны – это раз, и ещё метризуемы. – Он вопросительно посмотрел в сторону расклеившегося по непогоде профессора.

– Хорошо, Глузман, значит так, я вас попрошу сходить немедленно в коридор и... пригласить тех молодых людей, что нас покинули... вернуться обратно. По моей личной просьбе. Да-с. И вот ещё что... попросите у них прощения, если не пойдут. Вам всё ясно?

Глузман пожал плечами.

– Почему нет?

Тихими маленькими шажками аспиранты пробежали на своё место. Разглаживая непокорную причёску и смеясь веснушчатым лицом, Глузман продефилировал на своё. Лекция продолжилась. За окном ветер нёс снег, женщина в маске смотрела прямо в стену и отчего-то не писала. «Какая препротивная эта наука – топология, – размышлял Юрик. – Вот уж никогда бы, ни за какие коврижки с ней не связался».

Вечером в коридоре общежития третьекурсник снова нашёл его. Вырос прямо из-под земли и вернул паспорт в целости и сохранности. Напрасно Юрик переживал, как бы ему подлянку не устроили. Вернул документ. Но лицо третьекурсника теперь растерянное и просительное:

– Послушай, к сожалению, такой вариант не проходит, записать-то мы тебя записали в списочный состав, но бухгалтерия совсем оборзела, требует, чтобы ты лично пришел и получил якобы свои стройотрядовские деньги. Понимаешь?

– Когда?

– Завтра. В восемь утра я за тобой зайду и вместе сходим, там недолго, ну час от силы, может, два потребуются.

– Не получится. Завтра наша группа на картошку едет, и тоже в восемь утра. А с деканатом шутки плохи, сам знаешь, можно стипендии лишиться.

– Нет, ваша группа завтра не едет, – с непонятной уверенностью отверг возражение третьекурсника. – Я не обманываю, сходи к старосте, узнай. А я здесь подожду.

Такая осведомленность показалась Юрику подозрительной. Он сбегал наверх к старосте. И точно, та сказала, что картошку перенесли на послезавтра, а завтра учимся во вторую смену по обычному расписанию. «Скажи всем, кого увидишь», – прокричала ему вслед.

После такой новости медоточивая улыбка нового знакомого уже не казалась приятной. «Ишь ты, какой знаток выискался, – подумал Бармин. – Всё-то он знает лучше нас, всё-то ему наперед известно. Откуда такая сверхъестественная осведомленность?»

– Слушай, – обратился довольно холодно к непонятному приятелю. – Отдать паспорт в чужие руки – это одно дело, хотя тоже не очень умное, ну да ладно, бог с ним, а вот идти с тобой неизвестно куда, тратить время на получение неизвестно каких денег – ты не находишь, что за просто так – смешно?

Лицо третьекурсника тотчас изменилось. Стало холодно-непроницаемым, как у игроков в покер.

– Сколько? – спросил он, пряча глаза.

«Интересно, сколько денег там получать? Эх, была не была, попрошу-ка я...»

– Десять рублей.

Третьекурсник быстро кивнул, достал из заднего кармана несколько бумажек, нашёл десятку и тут же вручил Бармину со снисходительной улыбкой подпольного миллионера.

– Завтра в восемь встретимся у входа в общежитие. Желательно информацию не распространять, всё должно остаться между нами.

Назавтра они вместе с третьекурсником стояли в очереди в кассу какой-то ветхозаветной конторы с непроницаемо-шпионскими лицами. Хотя очередь была небольшой, ждать пришлось долго, потому что очередников рассчитывали подолгу.

Вдруг Бармин увидел на входе в коридор замдекана Хвостова. Тот шёл с нахмуренным и почти злым лицом. Этого ещё не хватало. Пристанет сейчас: «Что вы здесь делаете, товарищи студенты? Что за деньги получаете?» Как отвечать? Что сам не знаю, какие деньги получаю? Вляпался так вляпался. На все десять рублей. И надо же ему было сюда прийти. Как нюх имеет, где очередную неприятность Бармину устроить. Весь сжавшись, Юрий замер на месте, ожидая, пройдёт Хвостов мимо или нет?

– Получай теперь ты, – шепнул третьекурсник, отваливая в сторону от кассы.

Юрик протянул паспорт в окошко.

– Бармин Юрий Артурович? – ужасающе громко спросила бухгалтерша, взглядом над очками сверяя лицо с фотографией.

– Да.

– Ишь, молодой, а хваткий, – покачала она головой. – Распишитесь здесь.

Юрик беспрекословно расписался в графе, потом на другом листе и на третьем тоже, даже не глядя на сумму. Бухгалтерша принялась кидать нераспечатанные банковские пачки денег на стол. Потом передала всю груду Бармину в окошечко: «Девять тысяч восьмьсот рублей, считайте».

Сердце Юрика задрезало от ужасной ответственности: «Ни черта себе, целая „Волга“!» Он не стал пересчитывать, а сразу понёс пачки следом за третьекурсником и положил рядом с ним на подоконник. И тут проходивший мимо низенький человек протиснулся плечом между Юриком и его деньгами, выхватил из кучи одну пачку и кинул её себе в портфель, затем другую тем же манером.

Бармин аж задохнулся от возмущения и неслыханной дерзости. Маленький такой человечка, а наглый, как танк, карманник наверное. Только здесь этот номер не пройдет! Правой рукой Юрика вырвал у воришки портфель, куда тот наладился кидать чужие деньги, а левым локтем так турнул его, что наглец воробышком отпорхнул метра на четыре, махая крылышками, дабы сохранить равновесие и не грохнуться навзничь. Тогда только развернулся и Бармин, как в дурном сне признавая в карманнике самого замдекана, товарища Хвостова собственной персоной.

Красный от злости Хвостов поправил на шее галстук и, не вымолвив ни слова, снова замаршировал в психическую атаку к деньгам. Третьекурсник дернул Юрика за рукав: «Перестань, это наш человек». Но уже и до Юрика дошло, в чем дело. Не Хвостов их человек, а они Хвостовы. Никто не стремился разжечь скандала, всё окончилось тихо и благопристойно: пылая взором так, что искры сыпались снопами на ободранный пол захудалой конторки, Хвостов перекидал в портфель все денежные пачки, после чего гордо покинул территорию, не удостоив студентов взглядом.

Хмыкая себе под нос, убежал куда-то третьекурсник, а Бармин сразу отправился в магазин «Спортовары», где приобрел вьетнамские кеды с твёрдыми красными подошвами за девять рублей. Точно такие были у него в школе, другими «Спортовары» не торговали. Но чём-то новая обувь была ему неприятна. Скорее всего, слишком деревянными подошвами, а возможно, и тем, что деньги имели хвостовское происхождение, стало быть, от них следовало ждать подлянки.

5. Можно, я здесь тихо постою?

Ранним общежитским вечером, едва Эля Грамм закрыла коридорную дверь на лестничную площадку, припёрла её стулом, села, забросив ногу на ногу медлительным и плавным движением, прикурила, глубоко затянулась, как сразу кто-то в ту дверь ломанулся, однако спихнуть Элю с места не смог, наверное, вместо каши слишком долго питался пельменями фабричной выделки из буфета.

– Ходи, как все люди, по парадной лестнице! Нечего людей стеснять в «целовальнике», – посоветовала она с ленцой в голосе неизвестному слабаку, одобрительным взглядом коснувшись парочки, обнимавшейся в сумраке пролётом ниже.

На чёрной лестнице общежития лампочек никогда нет, их предусмотрительно выкручивают заинтересованные граждане, лишь тусклый голубоватый свет уличного фонаря чуть-чуть проникает через высоко расположенное закопчённое окно. Ноги Эли Грамм столь изящных линий, что поневоле кажется, будто это и есть тот самый недостижимый идеал, на который можно глядеть и глядеть, получая чисто эстетическое удовольствие, без всякой задней мысли. Юрик сидел на пожарном ящике с песком, расположившись рядом с Колокольчиком. В двери снова колотятся – мелко, дробно, требовательно. Это приводит Грамм в ярость.

– Пропусти ты его, – не выдержала Колокольчик, – а то чувствуется, человеку сильно невтерпёж.

– Куда может быть здесь невтерпёж? – делает глаза навывкат Грамм. – Товарищ, туалет в другом конце коридора!

Стук, однако, продолжился.

Эля вскочила, гневно стряхнув пепел с сигареты, пнула стул в сторону и резко дёрнула ручку на себя – в распахнутую дверь вклинилась долговязая тень фигуры Гапонова, пытающаяся как можно скорее раствориться в сумраке площадки.

У Гапона ясные, чистые глаза, пышные кудри менестреля до плеч, он отлично играет на гитаре, поет, обладает режиссёрским талантом (снял три фильма на любительскую камеру) и в прошлом году являлся лучшим организатором факультетских КВН, вечеров, дискотек и прочих мероприятий. За блестящее проведение Дня математика даже получил именную грамоту от деканата. Что не помешало тому же самому деканату по итогам весенней сессии отчислить Валеру за неуспеваемость.

– Мужики! – горячечным шёпотом доложил Гапон, – спасайте! Меня военкомат обложил, хотят повестку вручить! По всем этажам рыщут, волки бешеные. Можно, я здесь тихо постою? – и тут же юркнул за дверную створку, прижавшись к стене, наружу выставив один только нос, как перископ подводной лодки, отслеживая ситуацию.

– Эх, Валера, Валера, шут ты гороховый, масовик-затейник, – вздохнула Грамм, ставя стул перед открытым нараспашку дверным проёмом, – никакого интима из-за тебя народу нет. Отслужил бы своё, вернулся и женился на мне, как честный человек.

– Тс-с-с-с! – раздалось из-за двери.

– Вот, а теперь шипишь, словно змей подколотый, ну и какая от тебя советскому народу прибыль?

Нос Гапонова, громко хрюкнув, тут же благовоспитанно исчез. Колокольчик тоже хихикнула.

– Грамм, не губи человека.

– Губи не губи, если человек сам дурак, то никто ему уже не поможет.

Она вскочила со стула и по-кошачьи подкралась к двери, за которой скрывался Гапонов, пережидая воинскую повинность:

– Я б ждала, Валера, честно ждала. И верила, сердцу вопреки.

Прижалась к двери спиной и даже, можно сказать, распостёрлась по ней всем своим сильным телом, таким образом, окончательно придавив к стенке. Гапонов стоически вытерпел натиск, не подав голоса протеста, по-прежнему ставя превыше всего личную свободу, презревая долг перед обществом. За что был награжден мощным ударом зада, который вынес столь же бессловесно, как и все предыдущие издевательства над мужским эго. Грамм вернулась на стул.

– Я б ждала и верила сердцу вопреки, – запела она мощным контральто. – Мы с тобой два берега у одной реки!

– Слышь, когда в колхозе были, – начала издалека Колокольчик, – я видела, как одна здоровенная свинья чесалась о забор, убойное зрелище, между прочим. Чешется, а сама рыло вверх задрала и смотрит, как забор под её напором качается. Мол, падает или стоит ещё? Любопытная такая зверюга.

– Вот, а некоторые еще заявляют, что свиньи вверх смотреть не могут, – удивилась Грамм. – Постой, а ты, собственно, к чему это рассказала?

– Да так что-то в голову стукнуло, воспоминания нахлынули о природе.

Светящийся проем заслонила воинская фигура в сапогах, портупее, при погонах и даже с повязкой «патруль» на рукаве. Всё как полагается в таких случаях.

– Девушки, Гапонова Валерия не видели? – радостно спросила фигура, пробегаясь по закинутой ноге Грамм более чем откровенным взором истинного ценителя.

Но зацепив уже профессиональным взглядом служащего военкомата сидящего на краешке песочного ящика Бармина, среагировала адекватно своим обязанностям:

– Предъявим документы.

– А ваши?

– От призыва уклоняемся, молодой человек? Ясно. Давайте-ка по-доброму, без лишних разговорошечек предъявим паспорт или студенческий билет.

– А вы кто здесь такой? – с весёлой наглостью белобилетника заинтересовался Бармин.

– Комендантский военный патруль, – пригрозила фигура басом и приосанилась.

Интересующийся нос Гапонова провалился за дверь. В глазах Грамм засветилось большое душевное любопытство.

– У нас что, в общежитии комендантский час ввели, товарищ военный? – поинтересовалась она, обдувая лейтенанта дезинфицирующей дымовой струей от сапог до фуражки. – Может, вы нас и спать будете укладывать?

Фигура мигом развернула фас к великолепной ноге, от большого удовольствия прищёлкнув каблукми.

– У нас, товарищи, идёт весенний призыв на срочную службу, вручаем повестки злостным уклонистам в вашем общежитии. Вот, кстати, девушки, есть у вас такой бывший студент Гапонов. – Он вспомнил о подозрительном Бармине, отдал честь ноге Грамм, взяв под козырек. – Извините, – вновь повернулся к Бармину. – Гражданин, предъявим документы.

Стоя в таком положении, военкоматчик мог легко заметить дурацкий гапоновский нос, который мало того что торчал, а ещё и дёргался туда-сюда, будто нюхал горячий суп с перчиком.

– Хорошо, идёте со мной, товарищ лейтенант, – примирительно сказал Бармин.

– Ты мне их принеси сюда, братец, – тотчас успокоился вояка, пристраиваясь на месте Юрика на пожарном ящике и разглядывая Элькину ногу с бесконечно малого расстояния, расширив глаза, как близорукий без очков. – Фамилия твоя как?

– Бармин Юрий Артурович.

Лейтенант зашуршал повестками.

– Нет, вроде такого нет пока, но документ всё равно неси. Вдруг ты не Бармин?

– Не принесу, – обиделся Юрик.

– Ну, гляди, призовём вне очереди, как передового комсомольца. Да ладно, шучу, не хочешь – не надо, ты не наш кадр нынче. Так что учись, студент, пока не вылетел, родина подождёт. А вы, девушки, значит, здесь, в общежитии, проживаете? Не дадите ли воину... напиться, по древнему народному обычаю?

Грамм хмыкнула, встала со стула и потянулась высоко всей изумительной фигурой:

– Пойдём посмотрим, на что ты годен, надо пару гвоздей забить в стенку... по доброму народному обычаю.

Лейтенант лихо подскочил, взволнованно зашагал вослед Грамм, а через три минуты она вернулась одна и скучным голосом попросила у Колокольчика сигарету.

– Быстро ты... овдовела, – посочувствовала Колокольчик, выбивая из пачки пару штук.

– Что, лейтенант воды перепил, что ли? Куда родная армия запропастилась?

– Очень было хорошо – приходи солдат ишшо! – щёлкнула Грамм длинным ногтем по сигарете. – Все, был и нету, волной смыло. Гапончик, не дрейфь, выходи, гад паршивый, хватит тебе дверь раскачивать. Будешь должен три порции пельменей мне, Колокольчику и Бармину за отмазку от армии. Бармин из-за тебя свободой рисковал, а я вообще девичьей честью.

– Не, – раздалось глухо из-за двери, – опасно пока, они по всем этажам рыщут, я здесь посижу лучше ещё минуток двадцать. Ты его далеко проводила?

– Дальше не бывает. Послала по всем правилам, тебя бы ещё туда же отправить – и можно отдыхать по-человечески. А впрочем, ладно, так и быть, живи покуда. Вдруг на что сгодишься, в смысле рассмешишь. Хотя, если рассуждать логично, разве ж это жизнь?

– Небось лучше, чем в казарме.

– Вера Михайловна много задала решать? Колокольчик, не помнишь?

– Не помню. Ты что, решать, что ли, надумала?

– А чего ещё юной деве делать прикажете? Пойду в читалку, сяду там одна-одинёшенька и домашку сделаю. Назло всем всё решу, поражаю Меньшикову.

– Нет уж, я пойду ужин готовить, – Колокольчик кинула окурочек в пожарный ящик и поднялась с места. – Гапонов, что лучше: домашка или ужин?

– Ужин, – тотчас согласился из-за двери Гапонов.

– Ладно, отстоишь на посту положенное время, приходи в гости. Так и быть, накормим. А вы?

– Мы посидим ещё. Домашка подождёт.

Юрик с Грамм выкурили ещё по сигаретке. Дверь меланхолически покачивалась из стороны в сторону. Бармин быстро сбегал на пятый этаж и вернулся.

– Гапон, можешь идти к нам в комнату, всё чисто.

– Посмотри тогда и шестой этаж на всякий случай, лучше пойду картошку чистить.

– Наряд вне очереди? Ну, смотри, как хочешь, – заглянул в коридор. – Шестой этаж гол, как лысина новобранца.

Гапонов рванул в электрический проём и пропал. На площадке уже совсем стемнело. Влюблённые с площадки ниже тоже ушли, взявшись за руки.

– Чего не идешь учиться? – спросила насмешливо Эля.

– А ты?

– Сколько можно? Кончай здоровью вредить, – Юрик забрал у неё сигаретку, положил на лестничные перила.

– Что прикажешь делать?

– Что, что, – наполняясь внезапно смелостью, вдруг притянул к себе и стал целовать в губы, пахнущие никотином и ещё чем-то неуловимым, но гораздо более важным и дурманяще-притягательным.

Грамм хмыкнула, уклонилась.

– Обалдел, что ли, совсем? Разве так делают?

– А как?

– Хотя бы так, – положила локти к нему на плечи, несколько раз надавила, точно проверяя прочность, и поцеловала.

Держась за руки, они спустились на площадку, освобождённую предыдущей парочкой. Их место на песочном ящике заняли очередные курильщики. Оставленная на перилах сигаретка дымилась сама собой, озорно подмигивая розовым огоньком из темноты, пока не сошла до самого фильтра, оставив после себя рассыпавшийся на перилах пепел. Когда через несколько часов из окошка сверху на лестнице начал брезжить рассвет, Грамм отпрянула от него и быстро убежала вверх. Хватаясь за стенку малокровным дистрофиком, Юрик направился в свою комнату. Ему приснилось, что он первый в мире африканский космонавт из страны Габон, вышедший в открытый космос, где с большой радостью кувырывается в черноте от счастья невесомости без скафандра, в одних трусах на длинной лиане-верёвке, а губы у космонавта просто невероятно толстые, пухлые, негритянские, по-русски этими губами ни слова не выговорить – в общем, полный Габон.

6. Чтобы нам тут...

Вернувшись как-то вечером с уборочной в общежитие, Бармин обнаружил в комнате долгожданных соседей-первокурсников. Навстречу ему поднялся грузный брюнет с заметно выступающим над брючным ремнём животом, большой головой, на загорелом лице которой выделялись фундаментально сработанный нос и здоровенные оладьи щёк. Тёмно-карие глаза мерцали честным достоинством. Туловище выглядело как бы приделанным к нижней части тела с некоторым сдвигом, то есть при ходьбе оно выдвигалось вперёд, будто торопилось убежать, в то время как сам двигательный аппарат несколько отставал, что придавало солидному первокурснику вид слегка карикатурный, особенно с учётом того, что конечности он имел весьма толстые и по сравнению с туловищем коротковатые. Может быть, поэтому вид сей первокурсник имел исключительно серьёзный. По такой солидности, Юрик определил его возраст лет в тридцать пять – сорок. Изредка такое случалось в местной истории, что пожилые деревенские учителя вдруг оставляли своё многочисленное потомство на попечение жён и приезжали получить настоящее математическое образование на очном отделении университета. Человек встал навстречу Бармину и протянул широкую ладонь:

– Анатолий Моисеевич Шихман, из древнего города Киева, – представился он и дипломатично добавил: – Нас к вам поселили.

Руки Бармина после уборочной были не вполне чисты, после краткого замешательства он всё же ответил на рукопожатие и назвал себя.

– Очень приятно, – Анатолий Моисеевич широко улыбнулся и сразу стало ясно, что никакой он не отец семейства, хотя со временем непременно им станет, а просто очень солидный семнадцатилетний первокурсник. – А это наш Женя Парилис.

На пустой кровати сидел совсем молодой паренёк, производивший впечатление общей нескладности, возможно, из-за того, что обут бедняга в сандалеты на босу ногу и в то же время на голове зимняя шапка-ушанка, на шее повязан шерстяной шарф большим неумелым узлом спереди.

– Женя из Ташкента. Мёрзнет. – Толик становился прямо на глазах моложе и моложе. – Есть ещё третий, Соловейчик, но он пока отсутствует по уважительным причинам.

– Да, отопление ещё не включили, но каждый день обещают, – обнадёжил Юрик Женю Парилиса, который, дёрнув шеей по-куриному, глянул на него как-то боком, потом, снова дёрнув, перевел взгляд на окно, ещё не успевшее обрасти коркой льда.

Шихман склонился к уху Бармина, зашептал, не скрывая восхищения: «У Жени папа доктор наук и мама доктор наук, а сам он – гений в математике». Гений опять дёрнул шеей. Руки его мелко тряслись, имея синевато-серый цвет. В то время как в комнате, между прочим, не так уж и холодно, градусов пятнадцать тепла.

Надо было как-то отметить знакомство, и в этом случае первое слово оставалось за старшим, то есть за ним, как-никак общежитским аборигеном и второкурсником. Юрик сходил на кухню с полевой добычей, намыл моркови килограмма два, начистил на прошлогоднем пожелтевшем экземпляре газеты «За советскую науку». Почищенную свежую, сочную колхозную морковку ещё раз помыл на кухне под краном и, соорудив красивую пирамиду на тарелке, предложил соседям. Женя Парилис отрицательно махнул головой по широкой амплитуде, как конь-трёхлеток, отбивающийся от паутов при купании табуна.

– Сейчас, – улыбнулся Шихман, – всё устроим.

И тяжеломерно выбежал из комнаты, как оказалось, к девчонкам из своей группы.

Притащил терку, пыхтя паровозом, натёр морковку на тарелке, сверху посыпал немного сахара-песка и с маленькой чайной ложечкой передал всё это Парилису. Тот критически осмот-

рел, но ложечку взял и стал кушать морковку, время от времени резко дёргая шеей. Остальные хрустели так, пользуясь собственными зубами.

– До чего вкусная вещь, – восхитился Шихман, – аж есть чего-то захотелось.

Извлек из чемодана здоровенную сковороду, осторожно постучал себя несколько раз по голове – раздалось аппетитное гудение чугуна.

– Сейчас бы свиных ребрышек пожарить, – зажмурился он от гастрономического вождения, – для спасения жизни от сибирского холода.

– Между прочим, имеется и другое средство для спасения жизни, – Юрий выставил на стол бутылку водки, приготовленную для такого случая.

– Кстати, сегодня на ночь прогноз до минус пяти и дождь со снегом обещали.

– Ну вот, видишь, я и говорю: во имя спасения жизни. Снег уже валит. Картошка сойдёт для спасения жизни?

– На сале ещё как пойдёт. А что, есть?

– Есть.

– А у меня сало есть топлёное киевское.

Юрик сунул руку под кровать, где хранилась куча картофеля, вывезенная с полей, выгреб её на свет. Картошка раскатилась по всей комнате, подпрыгивая по полу и оставляя на нём комочки подсохшей колхозной глины.

– О! Це гарно, – делая из щёк-оладий щёки-колобки, улыбнулся Шихман, с ножом наперевес бросаясь под стол, куда закатилась одна картофелина. Парилис быстро поджал ноги.

В два ножа они наперегонки начистили кучу картошки, Толик выбрал из огромного количества своих вещей, сваленных на кровати и под кроватью, двойной полиэтиленовый пакет с белым топлёным свиным жиром внутри, выдавил на сковородку:

– Лук есть?

– Нет, на лук нас пока не посылали. Давай без лука.

Но хозяйственный киевлянин сбегал к своим девчонкам, притащил луковицу, нашинковал её и со всеми необходимыми для украинского блюда составляющими умчался на кухню. Полчаса – и вот вам сковорода жареной картошки в комнате. Анатолий разлил водку по стаканам, откинул массивную голову будущего знаменитого учёного, которая отлично смотрелась в сидячем положении в электрическом свете, лоб даже поблёскивал, как венецианская площадь Святого Марка в свете луны, и произнес тост:

– Чтобы нам тут весело жилось и отлично училось!

Парилис водку пил отказался, но шапку снял и улыбнулся первым весенним подснежником. Только улыбнулся, как в комнату требовательно постучали. Женя мигом натянул шапку обратно на голову, попытался завязать тесёмочки, однако пальцы от холода не слушались.

– Санкомиссия! – вскричал свистящим шёпотом Шихман, хватая бутылку и пряча её под кровать. – С сегодняшнего дня начинает ходить по этажу, внизу объявление висит. Как же я забыл! – трахнул по своему могучему лбу. – Открывайте быстро форточку, надо проветрить помещение!

«Хвостов, зараза, с обходом пошёл, – догадался Бармин, быстро собирая со стола стаканы, пряча там же, под кроватью, и сам чуть туда не влезая от страха. – Ему доложили, что я в общаге устроился. Хорошо, что успели хоть немного согреться. Если спросит, что я здесь делаю, скажу, что в гостях у лучших друзей».

Парилис неуверенно вскарабкался на подоконник. Координации у него никакая. Открыл форточку и бухнулся на кровать.

– Войдите, – Шихман беззвучно открыл замок и теперь стоял перед дверью с деревянной ложкой, полной картошки, в руках, будто он и ест так вот, разгуливая по комнате.

Входить, однако, не торопились. С грацией юного бегемота Шихман прыгнул обратно за стол, поднес ложку ко рту и замер, словно готовясь к фотографированию в университетскую

газету под заголовок «Отличники учебы на занятиях и дома». Дверь открылась, но ни софитов, ни санкомиссии, ни тем более зловредного замдекана Хвостова за ней не оказалось.

– Мальчики, можно? – серебристым голосом Красной Шапочки спросила Эля Грамм, осторожно проникая в комнату.

Шихман тут же заскакал вокруг, эквилибрируя картошкой на столе и одновременно двигая свой стул, освобождая место:

– Садитесь с нами кушать, мы счастливы видеть вас в своём кругу!

А сам помог вернуться на место Парилису, предварительно сняв с него шапку. Грамм осторожно присела. Бармин вернул на стол бутылку и стаканы.

– Юрик, нехорошо детей спаивать, – упрекнула Грамм.

– Празднуем их первый день учения и нашу очередную морковную эпопею.

– Я только на минуточку, – Шихман выбежал из комнаты и тотчас вбежал с чистой тарелкой и стаканом, будто в коридоре перед дверью стоял дежурный официант.

– Собственно говоря, зачем я к вам пришла? – спросила недоумённо саму себя Эля Грамм. Глаза её сверлили Бармина, таращась двумя изумрудами, в то время как вопрос оставался без ответа.

– Смеешься? Я к вам захожу каждый божий день. Так почему тебе не зайти для разнообразия?

– Нет, нет, я по делу. Ты уже, наверное, решил те интегралы, которая нам Вера Михайловна задала?

– Эля, когда? Толик, обслужи девушку, ты у нас сегодня хозяин.

– Мне чуть-чуть, – указала миллиметровый зазор пальчиками Грамм. – Хватит, хватит. А не врёшь, Юрик? Поди уж всю тетрадку исписал втихаря на «отлично»?

– И тетрадку ту тебе немедленно отдать?

– Ох, ты... Вот, Бармин, честно тебе скажу: ты всё-таки противный мужикашка, сил моих женских нет на твои ужимки смотреть!

Аккуратно опрокинула водку и бросилась закусывать картошкой.

– На свином сале? – воскликнула она, ширя и без того выпуклые глаза. – Кто жарил?

Толик вмиг возгордился.

– Я.

– Хорошего человека сразу видно, за версту пахнет мамой-Украиной, где Тараса Шевченко папаху лежит. Так, Бармин, чтобы через пятнадцать... нет, десять минут сидел в читальном зале и решал интегралы! Иначе я не знаю, что с тобой сделаю...

– Голодранцы усих краин, гай до кучи! – произнес тост украинец Шихман.

Что касается Грамм, она просто выпила, встала и твёрдо вышла вон с грацией женщины, знающей себе цену, которую в данной комнате ей никто дать не в состоянии.

7. Математический подвиг

Набрав полную сумку учебников, Юрик отправился на второй этаж, в читальный зал. Грамм права – надо делать домашнюю работу, решать интегралы. Как всегда в начале семестра читальный зал практически пуст, лишь прямо у входа за столом сидели две девушки и горячо обсуждали журнал мод, развёрнутый перед ними. Увидев Бармина, они недовольно смолкли. Дверь в комнатку библиотекаря плотно закрыта – рабочий день закончен. Юрик расположился в конце читального зала, сел за последний стол лицом к стене, чтобы никого не видеть и не слышать шушуканья поклонниц моды.

Разложил учебники, прочитал все, что рассказала на первых лекциях бабушка Сахалинская о бесконечных суммах, проштудировал таблицу основных неопределённых интегралов, после чего попробовал решить что-нибудь самостоятельно. Первый пример из задачника получился с лёгким скрипом, а дальше дело встало и ни в какую. Юрик снова взялся за теорию, там всё было замечательно просто и абсолютно понятно, но примеры разбирались совершенно другие. Пропустил неберущийся интеграл, попробовал следующий, с тем же эффектом. Что ни говори, водки выпито достаточно. Какое может быть домашнее задание в пьяном виде? Конечно, он молодец, что хотя бы попробовал, сделал честную попытку, но если не получается ни в какую, стоит ли биться лбом о стену?

Попробовал встать, ноги не слушались. Руки, голова, туловище – всё подчинялось светлomu разуму, а ноги бастовали. Просто ерунда какая-то. Сможет ли он уйти сегодня отсюда? А вдруг именно так наступает частичная парализация организма? Вдруг ноги вышли из строя навсегда?

– Ты уже здесь? – плюхнулась рядом Грамм, свалив на стол учебники и тетради.

Она сменила халат. Этот искристо-серого цвета с голубой полоской и запахивается по боку.

– Что-нибудь решил?

– Решил... первый номер.

– Не показывай, я сама, потом сверим ответы.

– Ответы лучше с задачником сверять.

– А зачем тогда вместе садиться? Нет, решать будем независимо друг от друга, но параллельно, сверяясь в конце. Если у одного не получается, другой ему подсказывает и ждёт. Идёт?

– Идёт.

– Ну, поехали. Какой ты там решил?

– Шесть – шестнадцать...

– Сейчас, я в секунду... Ответ... минус единица на икс квадрат минус единица на икс в кубе плюс це?

– Да, – удручённо подтвердил Бармин, раздосадованный скорострельностью Грамм. Других достижений у него нет. Хуже того, он в тупике, в полном расслаблении, к тому же бездвиген. От позора даже не убежать.

– Какой там следующий?

– Шесть – двадцать один.

Он принялся решать интеграл по новой, краешком глаза следя за авторучкой Грамм. Та мгновенно распотрошила дробь на сумму дробей, а он-то... Вот дурак... Ну, так-то, конечно, просто.

И в этот момент произошло нечто, коренным образом изменившее ход всего последующего вечера и даже семестра. Ни по чьему желанию, ни по чьей злой или доброй воле их колени случайным образом сблизились, натолкнувшись друг на друга. После чего интуитивно отскочили, но через минуту, не найдя другого, более устойчивого положения, вновь незаметно

соединились, посчитав данную позу самой удобной из возможных. Ещё сидя в одиночку, Бармин несколько раз пытался распрямить ноги, вытянув их вперед, и лишь натыкался на стену. Теперь хоть правая конечность сама по себе нашла оптимальное расположение.

Грамм чиркала бумагу, только шум стоял.

– Икс в кубе плюс два логарифма натурального модуля икс? – утвердительно спросила она.

– Да и плюс це, – уточнил он.

– Это само собой.

Они бросились наперегонки решать дальше пример за примером. Бармин не понимал, откуда вдруг так радостно заплескалась в висках кровь, вызвав эйфорию, и неведомый прежде, но вполне очевидный подъем мыслительных способностей, а также боевой настрой решать, решать и решать дальше, хоть весь вечер, а хоть всю ночь до утра, пока все заданное Верой Михайловной не будет выполнено, а может, даже и сверх того. «Смотри-ка, – размышлял он рассеянно, в фоновом режиме, – вот ведь какая штука получается, если поддатым интегралы считать и при этом обездвигать. Никогда бы не поверил, если бы кто сказал. Это, вероятно, оттого происходит, что тут стандартные методики применяются, грамма сообразительности не надо, а потому, по сути говоря, ничего, кроме усидчивости, не требуется, а этого добра у меня сегодня хоть отбавляй».

Меж тем колени напирают друг на друга все сильнее, тоже устроив свое соревнование на прочность. Дело дошло до того, что сделалось по-настоящему больно. Он отклонился на спинку стула, бросил взгляд вниз под стол: что там такое происходит? Увидел потрясающей силы обнажённую красоту: нижняя половина халата, завернутая прежде на талию Грамм, с этой талии в пылу борьбы свалилась куда-то вниз. Сверху сей малозаметный факт абсолютно ничего не изменил, однако ниже стола обнажилась гладкого, ровного казахстанского загара сильная женская конечность удивительнейшей формы, одна, но полностью, от самой талии, где видна была ямочка на боку, до самых кончиков пальцев, выглядывавших из желтых пляжных тапочек. Его собственная нога, одетая в спортивные штаны, оказывается давно сориентировалась в обстановке и пошла на контакт, упершись коленом в красивое голое колено. Бармин затаил дыхание, чтобы не спугнуть Грамм, будто та птичка, и сглотнул ком в горле.

Творит же природа иногда совершенство одним мимолетным росчерком невидимого пера! А сколько поколений было зачёркнуто, чтобы в результате тысячелетней работы некто Эльвира Грамм получила в свое распоряжение такое богатство. Это даже как-то и неудобно называть конечностью, это божий промысел, в котором видно всё сразу: и силу, и желание, и потрясающую веру в будущее, веру, которая предвещает обладательнице может быть, не столько личное счастье, сколько общечеловеческий прогресс, благодаря которому все женщины изначально, без решений партии и правительства будут иметь такие вот изумительные бедра, колени, икры, соединенные единым целостным неуловимым сущим, не описанным в курсе диалектического материализма.

Бармин вновь склонился над столом, возобновив решение примерно с тем же восторгом, с каким матрос кидается по трапу на берег к своей подруге, пришедшей его встречать в порт после кругосветного плаванья. Мысль кипела мощной силой провидения, рука приобрела размашистый, лихой почерк, летала по листам с сильным нажимом, быстро и чрезвычайно энергично, едва-едва успевая фиксировать мыслительные выкладки.

Они идут рядом двумя быстроходными глассерами, нос к носу по небольшой волне, то одновременно ныряя в нее, то столь же парно взмывая в воздух. Десятая, двадцатая, тридцатая задача. Боль в колене сделалась почти непереносимой, однако никто в мире не заставил бы его сдаться – черт с ним, пусть ломается. Грамм приподняла свой стул, переставила ближе, после чего угол касания изменился, и уже не колени, а бедра прикоснулись друг к другу с некоторым стыдом нежности и внешним безразличием, чтобы вскоре прикипеть накрепко – не раз-

лей вода. Соединение сблизило и сроднило их до жизненного неудобства, но они старались не обращать на неудобства внимания. Сила слияния просто потрясающая.

Под воздействием возникших при этом энергий неимоверной силы, пронизывающих мозг и освещающих действительность насквозь, ему стало казаться, что он в состоянии решить математическую проблему любого уровня сложности, какая бы трудная она ни была, сколько бы поколений математиков над ней ни билось в судорогах до мозговой сухотки, и даже самую теорему Ферма. Только дайте, дайте её сюда, и я вам покажу, где раки зимуют! И то сказать: никогда в жизни не решал он абсолютно новый, незнакомый материал с такой поразительной легкостью, будто обрел неведомые крылья, как сейчас, пребывая в восхитительном союзе с Грамм.

В следующую минуту ему показалось, что вся энергия земли ищет выхода через его тело и мозг, и оттого вся природа – это он сам и есть, она состоит из него самого, прозрачна и, естественно, доступна их с Элей совокупному разуму. Все законы, по которым существует мироздание, просматриваются до самого дна во всей их псевдосложности для обыкновенного человеческого рассудка, но совершенно ясны для них с Грамм в это удивительное мгновение. Сила потрясающая! Наступило какое-то новое, неизведанное для него человеческое счастье.

Казалось, ещё мгновение – и он вскипит гейзером, чтобы выплеснуть в человечество то ли горячий пар, содержащий информацию о жизни вселенной, то ли раскалённую магму земли, грозящую уничтожить всё вокруг. И это ощущение было настолько реально, что Юрик перестал решать, повернулся к Грамм, чтобы сказать ей об этом, своём невыносимом уже ощущении познаваемости мира, которое его одолевает и рвется наружу и... увидел, что Эльвира тоже не решает. Её шариковая ручка водила по листу, находясь в конце решенной задачи. В последней точке. Она медленно и неотвратно разрисовывала эту точку, увеличивала её в размерах, получая пятно размером с копеечную монету, которую расширяла далее, увеличивая больше и больше радиус круга. Получая в итоге грязный тетрадный лист, чего абсолютно не переносит требующая аккуратности Вера Михайловна.

«Зачем? – изумился Юрик. – Зачем ты все портишь?»

Заглянул в опущенное лицо Грамм, которая, оказывается, уже неизвестно сколько времени пребывала с закрытыми глазами, бледная, как смерть, и по сырому детскому обиженному лицу её маленькими молниями пробежали нервные подергивания от губ к подбородку. «Да ей никак дурно, а водки выпила совсем чуть», – и этой мыслью немного отдаляясь от прежнего человека-вулкана, расставаясь с ним и снова чувствуя гигантское давление со стороны берцовой кости Грамм, которая тем самым добивалась равновесия системы, на его берцовую.

Потом она перестала чертить, замерла, всхлипнула жалобно и отпала от него. Их союз перестал существовать, разрушившись на самом интересном месте, несмотря на то, что теорема Ферма так и осталась недоказанной. Он ощутил сильную боль в том месте, которое только что являлось общим. Нет, этого невозможно допустить! Если они сейчас распадутся, Юрик не успеет прийти к наиважнейшей цели, его собственное решение главной проблемы мироздания, уже созревшее в вулканически горячих недрах, растворится в небытии! И, стало быть, весь этот гигантский подвиг, сопряжённый с нечеловеческим страданием и болью, закончится ничем, в лучшем случае решённым домашним заданием, чего нельзя допускать ни в коем случае!

Он схватил её безвольную, слишком мягкую ногу, прижал к своей, чтобы вновь воссоединиться, стать единым целым, чтобы его осенило, потому что в одиночку ему не управиться с теми силами, которые только что были подвластны. Глядя на это широко распахнутыми глазами, Грамм открыла рот и глупо хихикнула. Юрик оглянулся – в зале никого. Затем она громко рассмеялась, следя за тщетными попытками дважды войти в одну и ту же воду, и, наконец, захохоталась совершенно неудержимо... Собрав книги, прихрамывая, побежала к дверям, заливаясь совершенно неприличным смехом и безуспешно пытаясь прикрыть хала-

том левую ногу, брыкая ею и запутываясь в серой блестящей материи, волочащейся следом по полу.

Когда Юрик вернулся в комнату, первокурсники ещё не спали, как раз укладывались. Появился четвёртый сосед – Соловейчик Вова, маленький, прыщавый, очень тихий и незаметный. В первую же ночь открылась неприятная особенность: Володя разговаривал во сне... женским голосом. Голосок у него и с вечера был, можно сказать, подростковый, писклявый, однако ночью во сне он принялся бузить на чисто девичьем без всяких скидок на возраст. Хорошо, что проявился дефект сразу, ещё не успели остальные заснуть, а потому обошлось без нервных срывов.

Володя удряхся первым, сокрытый под большим холмом всяческой одежды. Шихман тоже залёг, долго сопел, ворочался, сооружая из простыни и двух одеял тёплую берлогу. Парилис лежал одетым, с книгой на груди. Он отказался по холоду раздеваться. Сверху Толик укутал его двумя одеялами, которые выпросил у комендантши. Женя читал книгу до последней минуты, пока Юрик не щёлкнул выключателем.

Как только свет погас и книга Парилиса шлёпнулась на пол, в комнате раздался противный женский голос:

– А чего вы, собственно, от меня хотите?

Вопрос прозвучал настолько не по существу дела, что Бармин буквально окаменел у выключателя.

– Ничего особенного, – все-таки решился ответить Юрик неизвестно кому, – выключили свет и спать будем.

– Боже мой, какие сволочи, какие все сволочи! – воскликнула с душевной болью неизвестная, и голос шёл, несомненно, от кровати первокурсника – Володи Соловейчика.

Шихман взметнулся вместе со всей берлогой в сидячее положение, вывалив косматый живот наружу. Со страшно открытым ртом смотрел он на кровать Соловейчика. В голове Бармина мелькнуло жуткое подозрение, начинающееся словами: «Ни хрена себе, первокурсники пошли...»

На цыпочках приблизился к Соловейчику. Раздвинул теплые вещи. Володя лежал один как перст, с закрытыми глазами и недовольно сопел. Вдруг лицо его сморщилось страдальчески, дёрнулось тиком, он выговорил тем же противным голосом с нотками близящейся истерики:

– Свинство, чистое свинство с вашей стороны, девушки, устраивать здесь бордель!

Бармин отшатнулся:

– Вот зараза, – прошептал Шихману, который, натянув простыню на голову, как растолстевший на продаже индульгенций монах-капуцин, прискакал на помощь, приставив ко рту палец и требуя тишины.

– Мадам, – резко оборвал прохиндейку Шихман и для доказательности помахал увесистым кулаком у носа спящего, вызвав легкий ветерок, – у нас здесь приличное общество, а не бордель. Что вы себе позволяете, черт побери! Немедленно пшла вон! Охрана! Проводите к выходу! А ты, Соловейчик, проснись, не то в лоб получишь.

Подошел Парилис. Втроем они обступили кровать соседа. Угроза возымела действие. Не сразу, но без повторения: Соловейчик отворил глаза.

– Что, здорово я вас разыграл? – спросил он прежним мальчишеским дискантом. – Я даже петь могу под Эдиту Пьеху.

– Да иди ты на...

Если можно назвать «разгаром дня» морозящее, затянутое серой пеленою, безрадостное небо в половине второго часа дня, то это был именно он, так называемый разгар.

Первокурсники ушли утром на занятия, закрыв его, спящего, снаружи на ключ. Лучше бы он не просыпался сегодня. Нет, Бармин не пойдёт на занятия. Об этом не может быть и речи. Он вообще не желает вставать. Никому не откроет. Никому. Неужели так и становятся алкоголиками? Похмельный синдром, первый признак алкоголизма, – налицо. В своей жизни на первом курсе он же зарекался однажды больше не пить, а теперь снова полностью деморализован: и физически, и морально. Никого не хочет видеть, ничего не желает слышать. Его здесь нет. Он не существует в природе. А если существует, то исключительно по ошибке.

Стук в дверь повторился. Нет, в животе не картошка на сале, смоченная водкой, а кило жирных тараканов, до ужаса противных.

– Эй, Бармин, открывай, подлый трус!

Грамм... Что они там вчера наreshали с ней в пьяном виде? Юрик соскрёбся с постели, сделал два шага до двери, щёлкнул замком, после чего был снесён мощным порывом ворвавшейся жизнерадостной подруги опять на кровать.

Грамм пребывала в стального цвета халате с косым запахом, но выглядела выше ростом, возможно, от распушенных в неимоверную причёску крашенных платиновых волос. Лицо было тоже явно не её, а какой-нибудь западной актрисы, которую Бармин в упор не знал. А главное, она активна без всякой меры. Сидя сгорбленно на кровати, жалобно спросил:

– Чего тебе?

Она принялась хохотать. Вчера ушла с хохотом, сегодня вернулась – опять хохочет и ещё пальцем тычет, зараза. Бармин глянул, куда тыкала подружка, – на его ногу, и увидел лиловый синяк, уходящий от колена через бедро до самых плавок. Более длинный и обширный синяк имелся лишь в детстве, когда он в дошкольном возрасте спускался на высоких ходулях с горки и дробоблызнулся плашмя о соседский забор. Тогда синяк проходил от лба до колен, но и этот тоже неплох. Итоговое второе место.

Подружка крутанулась на месте волчком, полы халата взлетели в воздух, обнажилась снова красивая женская нога, как ни странно, ещё более красивая, чем вчера. Он подумал и понял, почему сегодня на ней не шлепанцы, а красная лакированная босоножка на высоком каблуке. Причём Грамм согнула и поставила её этак с шиком, на особый манер, что ни дать ни взять – настоящая испанка или цыганка испанская, и даже выкинула вверх руку, будто завершила танец бурной страсти фламенко. На её изящном бедре тоже красовался длинный синяк. Эля радостно указывала на него пальцем.

«Чему радуется человек? Синяку? Совсем рехнулась. Но как противно жить!»

– Представляешь, – провозгласила она, – вчера мы решили всё домашнее задание для Меньшиковой, все семьдесят интегралов за один вечер. Это рекорд! Математический подвиг!

Тетрадка с книжками валялись на столе. Юрик дотянулся, взял, раскрыл. Точно, полтетради исписал, но почерк ужасный, какие-то рваные закорючки. Вера Михайловна, естественно, разъярится и даже проверять не станет. «Ах, да, это интегралы, но всё равно что попало и как попало», – он небрежно кинул тетрадь и улегся обратно.

Грамм присела на краешек кровати, даря еле различимый тонкий запах духов:

– Заболел?

Бармин хмуро оглядел её всю с ног до головы негостеприимным взглядом:

– Отвали, а?

– Шутишь?

– Нет, отвали на фиг.

– Ну, ты, Бармин... Ты знаешь кто после всего этого? Ты... такой маленький, противенький, чёрненький, мерзкий... толстый... жирный крошка Цахес.

Лицо Грамм на глазах снова обрело жёсткий контур, она резко поднялась, вколачивая высокие каблуки в дерево половиц, бросилась на выход и дверью хлопнула так, что, сто раз

чиненной-перечиненная, та ойкнула, как живая. Он решил, что Эльвира с кем-то его перепутала. Жирным Юрик не был никогда.

8. Женщина в пёстром

– Что, товарищи, уже все собрались? – торопливо поинтересовалась невысокая женщина в вязаной рябенькой шапочке, надвинутой по самые брови, влетев бочком в маленький кабинет на десять человек.

В её голосе слышалась надежда, что кого-то пока нет, причём вместо слова «товарищи» она, как всегда, произнесла сокращенно «трищи». При этом скинула полосатое верблюжье пальто на подоконник.

– Поздравляю с первым занятием в этом году. Кто забыл —

меня зовут Анна Абрамовна Ливитина. Мы сейчас, как грится другое, будем заниматься английским... – осмотрев по очереди лица всех студентов большими черными глазами на ромбическом костистом лице, уточнила: – Языком. Все получили в библиотеке книги «Женщина в белом»? Прошу открыть на десятой странице. Так. Будем читать и переводить.

Заглянула в поданную рапортичку, близоруко прищурилась:

– Студент Сабилов, начинайте, плиз.

Пока Рифкат читал, Анна Абрамовна стоически морщилась при неверном произношении неопределенного артикля, местами не сдерживалась, поправляла. Рифкат быстро кивал и говорил по-своему, радостно открывая рот: «Вэ». После двух десятков замечаний Анна Абрамовна утомилась, оставив бесплодные попытки.

– Достаточно, комрид Сабилов. Вэс инаф. Переводите, что вы прочитали.

– Все?

– Что вы прочитали.

– В смысле? С начала страницы?

– Естественно, комрид Сабилов.

– ...Он облизал его губы...

– Как это... Что это такое вы говорите, комрид Сабилов, как грится другое?

– Перевожу с начала страницы.

– Где это вы такое увидели?

Сабилов сосредоточенно поправил очки:

– Как тут написано: хи – это он, по-нашему, смэк – облизал, вот перевод в нижней сноске. Так, значит, дальше хис – его, липс – губы. Получается: он облизал его губы.

– Ну, товарищи, что это такое? Комрид Сабилов, как это он может облизать его губы? Вы себя послушайте только, что вы тут нам такое говорите.

– Запросто может. Вот так, – Сабилов высунул кончик языка и аккуратно провёл по губам.

Ливитина отвернулась к окну, дабы не видеть физиологического надругательства над лексикой.

– Да ну вас, трищ Сабилов. Что вы такое говорите? Почему его губы? А чьи губы он ещё в принципе мог облизать?

– Ну мало ли...

– Что значит – мало ли? Мы про это даже не говорим.

– Надо на девятой странице тогда почитать. Можно?

– О боже, какие глупости вы говорите, комрид Сабилов. Разве так говорят? Он облизал его губы? А?

Рифкат растерянно посмотрел на Мурата, который в полном недоумении тянул себя за уши вверх и пожимал плечами.

– Как грится другое, студенческая группа понимает, о чём идет речь?

Она снова близоруко ткнулась в рапортичку за списком фамилий.

– Комрид Великанова, как вы думаете, может ли он облизать его губы?

– Ну, при желании может, конечно, – краснея, высказалась комсорг, – к примеру, находясь в большом волнении. А вообще надо шире рассмотреть контекст. Или во рту у человека пересохло.

– Комрид Великанова, вы понимаете, что нам тут говорите, как грится другое? В каком таком рту, где вы рот-то узрели? У меня просто слов нет! Комрид Латыпов?

– Может, просто сказать: он поцеловал... ой... то есть...

– Комрид Латыпов, не о том думаете, как грится другое. Комрид Бармин, объясните нам.

– Он облизал губы?

– Уходите от вопроса, комрид Бармин, почему пропустили слово хис? Куда девалось хис? Нет, плохо, плохо. Просто никуда не годно, трищи. Как же мы будем переводить с вами тысячи? Десятки тысяч? Когда вы не можете перевести правильно три простых английских слова? Я просто в ужасе, трищи, как грится другое. Что сделал в данном случае герой произведения «Женщина в белом»? Какие ещё будут варианты, комриды студенты?

Анна Абрамовна вновь принялась разглядывать всех сомневающимися чёрными, навыкат глазами, но сколько-нибудь этичных вариантов перевода трех английских слов ни у кого больше не находилось. Трищи студенты уклончиво отводили глаза в разные стороны.

– Давайте, комрид Сабилов, переводите снова, давайте вместе соберемся с силами и переведем-таки.

– Он облизал...

– Что облизал? Что?

Сабилов ощутимо сжался, боясь выговорить слово, облизнулся, но ничего более не сказал.

– Он облизал... – Анна Абрамовна затаила дыхание, и все тоже затаились, чувствуя кожей, как она снова пересчитала группу. – Ну, как вы не понимаете? Боже праведный, чьи губы мог облизать этот несчастный человек?

– Чьи угодно, – пробормотал Мурат.

– Комрид Стрелкова, вот вы, как девушка, как вы считаете в конце-то концов, чьи губы он облизал?

– Свои, наверное, чьи ещё-то? – обиженно блеснув глазами, заявила Стрелкова, отправляя белокурую прядь за ухо.

– Молодец!!! Ну, наконец-то. Он облизал свои губы! Надо же правильно по-русски говорить, как грится другое. Причём здесь контекст? Надо же правильно по-русски выражаться. Комрид Сабилов, гоу он, читайте дальше, нет, ваш сосед, трищ... Латыпов, продолжайте переводить. Комрид Бармин, успокойтесь, пожалуйста...

– Вот «женщина в пёстром», – сказала Стрелкова, выходя на перемену, – довела народ тремя английскими словами до полной прострации. Я лично чуть в кому не впала. Тяжёлая женщина. Пойдёмте покурим, девочки...

Анна Абрамовна имела почтенное звание старшего преподавателя на кафедре иностранных языков, обожала одеваться в вязанные собственными руками вещи вроде разноцветных шотландских юбочек. Иногда она подолгу задумывалась над каким-то одной ей известным вопросом, делала брови домиком с очень покатою крышей, с какой даже снег счищать не надо – сам сползет под собственным весом, и смотрела при этом в окно. Так могло продолжаться долго. Группа её не тревожила, тихо отдыхая и не проказничая. Очнувшись, она говорила: «Стойте, стойте, комрид Бармин! Чего это вы вдруг пропустили строчку?» Все студенты полагали, что адаптированное произведение «Женщина в белом» Ливитина знает наизусть. Ей не надо даже смотреть в книгу. Не зря же ее прозвали «женщиной в пёстром».

Со временем, привыкнув к студентам, как к хорошим знакомым, она начинала рассказывать им про свою жизнь. С Анной Абрамовной жила престарелая мама и двое племянни-

ков-студентов. Эти племянники вечно попадали в разные истории. Когда она делилась очередной вестью из жизни племянников, её чёрные, будто крупная смородина, глаза становились почти трагическими, и поистине удивительным было то, что в конце концов дело завершалось смешным анекдотом. Тут Анна Абрамовна вместе со всеми широко открывала рот и долго не закрывала его, приглашая всех посмеяться вместе с ней.

С октября Ливитина влезала в свою искусственную шубу под леопарда и шапочку, похожую на летающую тарелку, отороченную по периметру крыла мехом неизвестного зверя, а сверху – чёрной смушкой. В подобной одежде можно было выживать до минус пятнадцати, существовать до минус двадцати, и посему, когда столбик термометра падал ниже сорока градусов, старший преподаватель кафедры иностранных языков Анна Абрамовна выпадала из замороженного троллейбуса на остановке «Университет» с мёрзлым треском, напоминающим тот, что издают хранящиеся на морозе дрова, охапку которых хозяйка вносит в избу и бросает у печи. При этом у неё было совершенно фиолетовое лицо и голубые губы, смёрзшиеся в ровную льдинку. Не только её собственные студенты, а совершенно посторонние люди торопливо отводили в сторону взгляды, когда видели сию ужасающую картину. Анна Абрамовна физически не переносила морозов.

О чём она молчит декабрьским поздним вечером на последней паре занятий, замерев, как на сеансе медитации, и глядя в окно, затянутое слоем льда приблизительно в палец толщиной, которое растает не ранее середины апреля, можно только гадать.

Однажды перед самым Новым годом, когда группа сдавала тысячи по инфинитезимальным исчислениям и Стрелкова монотонно, как пономарь, читала размышления Лейбница о природе этих чисел по-английски, а Сабиров и Юрик пальцами тыкали в книжки, следя за её беглым рысканьем по строкам, Анна Абрамовна как раз витала в густых облаках мечтаний. Из двух плафонов на четырёхметровой высоте потолке горел только один. Стоял холодный полумрак. Вдруг она оторвала взгляд от окна и сказала удивительно горячо:

– Сейчас на Средиземном море плюс двадцать, представляете? – и тут же проснулась: – Достаточно, вэс энаф, комрид Сабиров, переведите, пожалуйста.

Все вздохнули с пониманием. Бедная, бедная Анна Абрамовна. Она мечтала о тепле, о море, о горячем песочке пляжа и кресле в тенике пальмы рядом с голубым бассейном. Короче, обо всем том, чего нет и никогда не будет в её жизни в Борисове. Рифкат сощурился, чтобы лучше видеть в сумерках плохого освещения, надвинул пальцем очки на брови:

– Здорово, – сказал он помолчав, – вот бы туда скататься по профсоюзной путевке под Новый год.

– Переводи уж лучше, – толкнул его под локоть Латыпов.

Да, удивительная женщина, их Анна Абрамовна, непревзойденный знаток английского и русского языков.

9. С полки азбука свалилась

В субботу вечером Рифкат забежал в их комнату несколько раз для того только, чтобы спросить, пойдёт ли Бармин на танцы. Странно. Юрик отвечал, что ещё не знает, но обязательно подумает над этим вопросом. Несколько позднее. Рифкат стоял в дверях комнаты, поправлял очки, смотрел, недоверчиво улыбаясь, выходил в коридор, будто раздумывая там невесть над какой проблемой, снова входил с тем же вопросом:

– Идёшь на танцы?

– Что такое? Что случилось? С полки азбука свалилась?

– А ты во сколько в прошлый раз ушёл?

– Часов в одиннадцать.

– Во-во, а после такой бордель начался, – Рифкат завел глаза поверх очков к потолку. – Приятно вспомнить! Несколько девиц устроили... как бы это выразиться... короче, секс-революшн.

– Что, поделись?

– Размечтался. Танцевать стали убойно, причем в основном первокурсники разбалделись на полную катушку, которые прежде у стенок выстаивали, а тут такое началось... Я с одной потанцевал этак пару минут, так чуть не это... короче полная борделино де коморра! Разогрели публику – дым коромыслом! До утра по черной лестнице не пройти было, на всех ступеньках парочки стояли в обнимку, нормальному человеку даже ступить негде.

– А чего нормальному делать в целовальнике?

– Ну, как бы да, в смысле нечего, я так... случайно там... пробежал, – Рифкат скромно поправил реденькую белесую челку, оскалился радостно. – Так ты идёшь сегодня? Давай сходим, на пару не так колотит.

– Немного позже, ладно?

Рифкат стеснительно фыркнул, поправил сползающие на вспотевшем носу очки и отправился на негнущихся ногах в нижний холл за час раньше назначенного срока постоять у стенки, присмотреться что да как.

Юрик, напротив, на час припозднился. Он спустился по лестнице в атмосферу громкой танцевальной музыки, когда дым уже действительно стоял коромыслом. Впрочем, первокурсники пока скромно держались по стеночке в проходе, начиная от самой лестницы, и девушки в их ряду сильно преобладали. Что-то не похоже, что прошлый раз они устроили секс-революшн... нет, право, совсем не похоже.

Вовсю грохотали ритмические зонги, под которые толпа ритмически колебалась. Кое-кто вздымал руки к низкому потолку, изображая водоросли в аквариуме с выключенным освещением. Кое-кто шевелил в такт локтями, защищая жизненное пространство от посягательств. Кое-кто призывно извивался нижней частью тела, одетой в джинсовую ткань, или вращал ею по разным орбитам.

Большинство ограничивались тем, что слегка переставляли ноги. Несколько раз Юрик столкнулся взглядом с высокой первокурсницей, забившейся в самый тёмный угол. Отчего-то глаза ее и там ярко блестели. В середине зала он обнаружил Шихмана, самозабвенно подпрыгивающего в небольшом кружке однокурсниц абсолютно невпопад. Оказывается, чувство ритма было ему неведомо, и, несмотря на это обстоятельство, он выглядел вполне счастливым человеком. В свою очередь, девушки делали вид, что не имеют к однокашнику ни малейшего отношения, танцевали на одном месте, отвернув лица во все стороны света, за исключением Толиковой.

Заиграла медленная музыка, зал недовольно взвыл, несколько человек кинулись к магнитофону с желанием перемотать ленту, однако наткнулись на дружинника, ответственного за порядок.

– Не трогать, руки оборву, – предупредил тот с самым решительным видом, не поднимаясь со стула. – Что, не поняли, что ли? Кавалеры приглашают дам.

Заметив на другой стороне холла в полутьме интересное лицо, Бармин начал к нему пробираться, стараясь избежать столкновения с танцующими. Три последних метра оказались абсолютно свободными от публики, и он заторопился, опасаясь, что музыка окончится, а вместе с ней бесславно завершится его исторический поход. За шаг до того, как окончательно подойти и пригласить, случилось непредвиденное: навстречу с подоконника очень резво спрыгнула девушка, вовсе не та, к которой шёл, а сидевшая рядом с нею, и это как раз в тот момент, когда, сделав последний шаг, он очутился уже без всяких сомнений перед другой.

Что прикажете делать? Мигом развернулся, взяв за руку спрыгнувшую, и пригласил танцевать. С большими, вроде бы чёрными в полутьме глазами, живо блестящими, высокая, в общем, что надо девица, если бы все время не отворачивалась и не говорила при этом:

– Вы шли не ко мне, извините, я перепутала...

– Ничего страшного, я ведь её тоже первый раз вижу, как и вас.

– Нет, это нехорошо. Мне так стыдно, что я соскочила, сама не знаю почему. Знаете, мне слишком неудобно перед всеми и вообще как-то расхотелось танцевать. Вы извините, я пойду.

– Может, дотанцуем? Музыка скоро сама кончится.

– Нет, это нехорошо, – девушка отняла руки от его плеч и действительно исчезла в толпе, пробираясь по направлению к лестнице.

Он стоял меж танцующих, не зная, что делать. Шихман самозабвенно обнимал незнакомую толстушку, шепча ей на ухо нечто явно математическое, если судить по слишком сосредоточенному выражению её недовольного лица.

– Объявляется белый танец, – провозгласил ведущий дружинник. – Дамы приглашают кавалеров.

Застигнутые этим объявлением молодые люди скромно застыли на местах. Кое к кому поспешили девушки от стенок, используя редкий шанс самостоятельного выбора.

– Что? – переспросил Бармин первокурсницу, ту самую, из угла, которая с самоотверженным вызовом приблизилась, встала перед ним, что-то спросив.

– Можно вас пригласить?

– А... Ну, да, конечно. Меня Юриком зовут. А вас?

– Елена.

Партнерша оказалась несколько даже повыше Бармина, впрочем, весьма стройная и в принципе симпатичная. Полные руки девушки увесисто лежали на его плечах. Наверное, спортсменка. Оба промолчали весь танец.

Юрику почему-то было неудобно, что его пригласили. Казалось, все без исключения, стоящие у стенок, смотрят именно на них. Вероятно, той девушке, которую он до того приглашал сам, было также неприятно, не зря она отказалась с ним танцевать. Когда музыка окончилась, Бармин с вежливой улыбкой проводил первокурсницу в ее уголок, а сам быстро-быстро прыгая по лестнице, вернулся к себе в комнату.

Рифкат прав: не танцы, а коморра какая-то. Хотя и не совсем уж борделино. Да ладно, учиться надо, нечего по целовальникам шлаться.

В расписании занятий второго курса появилось множество мелких непрофильных предметов, от исторического материализма до теоретической кибернетики, и разного рода философий, которые тем не менее нужно было изучать, конспектировать, а иногда и сдавать. Они только отнимали массу времени, вызывая у Бармина тихое раздражение. Кибернетика являлась таким второстепенным предметом, однако занятия вел замдекана Рутман Вилли Теодо-

рович, поэтому и лекции, и семинары посещали все поголовно, опасаясь, как бы неким случайным неловким движением не испортить отношения с деканатом.

В любой сезон года Вилли Теодорович выглядит respectable и даже роскошным мужчиной, но особенно хорош, конечно, летом в своем светло-бежевом костюме, при пла-точке, жёлтых туфлях с дырочками, солнцезащитных очках, роскошной шевелюре а-ля Элвис Пресли, когда идет по широкой аллее меж цветочных клумб по направлению к главному корпусу, милосердно раскланиваясь со всеми без исключения, поворачивая голову ровно на десять градусов, с достоинством, неторопливо опуская ее на пять градусов и тут же вновь вскидывая. Родители абитуриентов принимали его за какого-то самого главного профессора и следили, раскрыв рты, как Вилли Теодорович подходит к огромным университетским воротам и, боже упаси войти первому, пропускает несколько минут всех тех, что спешат ему навстречу, и тех, кто торопится за его спиной. Настоящий тридцатипятилетний красавец профессор, услада для женских глаз всех возрастов без исключения, непреходящий пример воспитанности для всех чад.

Меж тем, несмотря на respectable, воспитанность, шарм и тяжелую летнюю работу в приемной комиссии, Вилли Теодорович не был не только профессором, но даже доцентом. Обычный старший преподаватель плюс ставка замдекана со множеством административных обязанностей, не позволяющих как следует заняться наукой, к которой... впрочем... он не питал особенной тяги. Зимой Рутман придерживается консервативного темного цвета костюма, галстука в полоску на белой нейлоновой рубашке и по университету передвигается только в лакированных штиблетах. Встречая его в сумрачных университетских коридорах, вахтеры вытягивались в струнку, как перед проректором, не принимая за ректора лишь потому, что ректор ростиком невысок. Ну не поклонник Вилли Теодорович новой научной моды, подувшей с Запада, когда иные академики, а доктора наук так через одного, и по большей части молодого возраста, начали ходить на лекции без галстуков, в рубашках с расстегнутыми воротничками и пуловерах с вытянутыми локтями. Нет, определенно Рутман не из таких. Лекции для двух групп чистых математиков он читал в том же безупречном стиле, в каком был выдержан его костюм, точно по учебнику кибернетики, принятому на Ученом совете в качестве основного, фраза в фразу, формула в формулу. Конспектировать совершенно необязательно, а он, кстати, и не настаивал, рекомендуя тот самый учебник, от которого не отходил ни на йоту. «Вы, ребята, только посещайте все занятия. Если что непонятно – спрашивайте, я обязательно объясню», – добродушно пояснял замдекана свою линию, но когда его спрашивали нечто конкретное, начинал говорить немного другое. Было ясно, что отходить от текста учебника Вилли Теодорович не любит. Это компенсировалось на все сто процентов тем приятным обстоятельством, что на экзамене Рутман требует знаний опять же в рамках всем хорошо известного учебника, вглубь не копает, на допро-спросах не сыпет, ставит хорошие отметки всем подряд, кто отвечает с выражением и гладко, заботясь в первую очередь о показателях факультета на общеуниверситетском уровне.

Из непосредственного контакта с Рутманом на первом же занятии Бармин сделал вывод: перед нами человек добрый, отзывчивый, очень деловой, но доступный в общении. Близкий к студенческому люду, ведь самый первый стол от двери в деканате – Рутмана. Нет, нет, Юрий не собирается делать карьеру на общественном поприще, он просто хочет получить место в общежитии на следующий год по закону. И если для этого нужно выполнять какую-то общественную работу, то лучше всего найти ее через человека типа Вилли Теодоровича, простого и понятного. Но общественные работы факультетского уровня на полу, естественно, не валяются. Их немного, на всех не хватает, как и мест в общежитии. Все они плотно заняты. Значит, надо придумать самому ещё одну маленькую общественную работу... создать ее. Юрий стал думать и придумал. На стенке возле деканата, рядом с расписанием занятий, висел фанерный «Экран успеваемости», заголовок которого был написан красивыми масляными буквами,

сам же экран практически всё время от сессии до сессии пустовал, и только по итогам сессий секретарь деканата Феодора Кузьминична печатала и вывешивала на нём списки с результатами экзаменов по всем группам сразу.

Почему бы не сделать «Экран» более мобильным? Бармин решил эту работу по оживлению наглядной агитации взвалить на свои плечи. Первым делом отправился в магазин канцелярских принадлежностей, где купил лист ватмана по размеру фанерной доски и пачку самой лучшей мелованной бумаги. Жилиться не стал. Затем, набравшись смелости, явился в деканат к секретарю, достопочтимой Феодоре Кузьминичне, и попросил списать результаты первых контрольных, какие были проведены для подведения итогов в учебной комиссии. Он сказал между делом, что ему поручили вывесить эти итоги на «Экране». Кто конкретно поручил, умолчал. А Феодора Кузьминична не спросила, у неё самой дел по горло. Но если бы спросила, он назвал имя председателя учебной комиссии Ани Эшпай. Обычное разовое поручение, хотя и довольно важное.

Благополучно переписав списки, Юрик три дня просидел над «Экраном успеваемости», пока не добился, чтобы всё выглядело по высшему классу. К результатам по каждой группе добавил несколько итоговых слов с фамилиями преподавателя, куратора и средним баллом группы. После чего принёс свёрнутый рулоном ватман к Вилли Теодоровичу на приём.

Рутман работал с документами, засучив рукава белой рубашки, пришивив галстук малахитовой заколкой, чтобы тот не мешался. В предбаннике деканата он позволял себе такую маленькую вольность, как снять пиджак.

– Вы ко мне? – спросил Вилли Теодорович тотчас, стоило Бармину войти. – Как вас?

– Бармин, второй курс...

– Да, да, да, то-то мне лицо знакомо...

– Вилли Теодорович, я принёс показать «Экран успеваемости» по последним контрольным точкам на факультете, – с этими словами развернул перед замдекана ватман.

– «Экран успеваемости»? – подивился Рутман и широко, совсем как Грамм в моменты волнения, распахнул глаза. – А... ну да, конечно, конечно, как же... С экраном у нас вечный провал. Кладите сюда, прямо на стол, посмотрим, посмотрим... Э, да у вас действительно последние данные, ребята, молодцы... Феодора Кузьминична снабдила? Отличная работа... Бармин, отличная работа. Вы от учебно-воспитательной комиссии, кажется?

– Нет.

– Но вы же отличник, я помню.

– Да.

– Работа с «Экраном успеваемости» – ахиллесова пята УВК нашего факультета. Не тянут они это дело ни в какую. Сколько ни просил Эшпай выпускать периодически результаты, в ответ слышу одни обещания, а теперь, когда её выбрали районным депутатом, не только экрана, и саму месяцами не вижу. Знаете что, товарищ Бармин? Возьмите-ка, дружище, на себя функцию по обновлению экрана на постоянной основе. Вы же раньше были в комиссии?

– Нет, не был, но экран выпускать могу.

– О, так за чем дело стало? Мы вас введём в новый состав УВК. Какие могут быть разговоры? Завтра они собираются, я буду присутствовать, кооптируем с постоянным поручением. Тем более что две сессии на «отлично». Такие люди нам нужны.

И точно, на следующий день по рекомендации деканата Юрик был введен в состав Учебно-воспитательной комиссии с подачи Вилли Теодоровича, тем самым во мгновение став человеком с общественной факультетской нагрузкой.

Конечно, роль его в комиссии чисто техническая, посему деканат и кооптировал без санкции парткома. Для такой мелочёвки высшего соизволения не требуется. Другое дело, если он вдруг начнёт расти. Однако расти Бармин не собирался. С него вполне достаточно места в общежитии.

10. Конституционные морозы

Началу декабря сопутствовало общее понижение температуры воздуха окружающей среды еще на десяток градусов. В воскресенье, первый раз за зиму мороз достиг сорока, тем самым свершилось то, чем аборигены пугали студентов, приехавших с юга: «Тридцать пять – это что? Это семечки жареные. Мороз, он только с сорока начинается. Там количество сразу переходит в качество».

Все окна в общежитии целиком и полностью замёрзли толстым слоем белого льда. Никаких тропических пальм на окнах больше нет, всё покрыто коркой толщиной два сантиметра. В комнатах сутками напролет горит свет, днём – чтобы не сидеть в сумерках, а ночью – для дополнительного тепла. Шестиэтажка общежития слепо пялится на университет бельмами замороженных окон, из форточек которых свисают сетки с продуктами.

Как раз к этому воскресному утру Бармин окончательно укрепился во мнении, что ему совершенно необходимо поддержать собственное здоровье путём ежедневных забегов на средние и длинные дистанции. Причём он будет вести подробнейший дневник, сколько каждодневно пробегает километров по составленному графику. Если путём интенсивных тренировок в течение зимы и весны постепенно наращивать свой внутренний потенциал, то к маю, глядишь, можно будет замахнуться и на марафонскую дистанцию. Размышления радовали и, даже несмотря на длительные холода, носили ярко выраженную оптимистическую окраску, помогая жить и трудиться.

К тому же в родительской посылке, кроме тушёнки и сгущёнки обнаружился великолепный тренировочный костюм ярко-синего цвета, с белыми лампасами, который просто грех было не обновить в сегодняшнем забеге. Юрий зашёл в комнату к одногруппникам и первым делом разбудил спорт-

орга Марка, с которым намеревались вместе совершить в воскресенье первую пробежку.

– Сколько градусов? – сладко зевнув и щёлкнув зубами, спросил Глузман.

Юрик уже прослушал по радио прогноз погоды и постарался озвучить его как можно обыденней, приуменьшая опасность.

– Тридцать восемь.

– Я что, идиот бегать по улицам в сорокаградусный мороз? Тем более в воскресенье, когда можно весь день спокойно сидеть в общежитии?

– Зачем по улицам? Добежим до университетского стадиона, дадим несколько кружочков и обратно. Интересно попробовать, можно бегать в такую погоду?

– Проверить крупозным воспалением лёгких? Увольте. А впрочем, пожалуйста, не возражаю: бегите, Шура, бегите. Мы будем посмотреть на ваше состояние, а позже, если потребует, вызовем карету скорой помощи. Если, конечно, кареты ездят в такую погоду, но за последнее ручаться не буду. Так что желаю удачи в заполярном кроссе.

– Я с тобой побегу, только прямо сейчас, – Рифкат вывалился из койки вместе с одеялом на пол, постоял немного на карачках, ориентируясь в пространстве. – Надо подышать свежим воздухом, чтобы голова соображать начала.

– Ещё один герой-экстремал на мою голову. Одеяло не забудь с собой прихватить, а лучше матрац – теплее будет.

– Можешь поставить себе в план работы наш пробег – в честь грядущего Дня Конституции.

– О, так вы бежите в честь Конституции? – озабоченно почесал переносицу Мараня. – Так бы сразу и сказали. У меня же в плане работы спортсектора есть какое-то мероприятие для этой даты! Нет, даже такие великие цели не заставят меня покинуть стены комнаты. Самоубийством никогда в жизни не занимался, я вам не Коля Гастелло, посмертный Герой Советского

Союза. Пока ещё жить хочу! Кстати о птичках, расскажу, как своим: у меня был один знакомый дома, в Черновцах, так вот он тоже в сорокаградусный мороз взял и убежал из дома... но по уважительной причине: от жены. И что? А ничего, нет его больше. Однако как мероприятие в честь Дня Советской Конституции ваш пробег обязательно оформлю, согласно горячим просьбам трудовых масс. Сколько кругов по стадиону дадите? Десять? Нет, лучше тринадцать, чтобы пять километров можно было поставить. Не люблю приписками заниматься. Мероприятие официально оформим, как полагается. Бегите, хлопчики, бегите. Чего зря стоите?

– Мурат, ты с нами?

– С ума пока не сошёл. И вы дурака не валяйте, лучше бы сходили к девчонкам, попросили у них заварки и чай вскипятили...

– Кто здесь гнусную антинародную кампанию ведет против Дня Конституции? Признавайтесь! Никаких чаев! Пусть бегут! Конституция на носу, а они чаи распивать мне тут! Я вам покажу заварку с девочками!

Под новый тренировочный костюм Юрик надел старый, шерстяной, под него ещё трико хэбэшное не забыл, на голову шапку ушанку, опустив меховые уши, завязал их тесёмочки, как делали в младшей группе детсада на прогулке. Кроме того, намотал на шею зимний шерстяной шарф тоже голубого цвета в три слоя и завязал шикарным узлом. Посмотрелся в зеркало: а что, неплохо получилось. Самое уязвимое место – ноги в резиновых вьетнамских кедах, конечно, обулся он с шерстяными вязаными носками, а всё равно несолидно для сорока градусов, однако в валенках не бегает в честь Дня Конституции, тем более когда их просто нет. В конце концов Юрик не собирается штурмовать Альпы и Чертов мост, даже на турецкий Измаил не претендует. Только до стадиона и обратно. Ну, может быть, круг почёта сделает под рукоплескание снежных баб. От таких забегов здоровье будет входить в него прямо пудами. Будем тренироваться каждый день, а весной – на марафонскую дистанцию!

Когда группа спортсменов из двух человек bravо прыгнула с общежитского крыльца, такими молодыми северными оленями легко заскользила по замёрзшему в лед снегу, Бармин неожиданно почувствовал себя совсем раздетым, будто перепутал сезон и выбежал в одних трусах на мороз. Он даже осмотрел себя удивлённо.

Мглистая серо-голубая пыль занимала всё видимое пространство от сугробов до неба. Облаков не видно, солнце розовым пятнышком плавает в густом плотном бульоне из дыма печных труб, общегородских ТЭЦ и миллиардов иголок льда, распыленных неизвестным механизмом по всей атмосфере и больно колющих горло вместе с вдыхаемым воздухом. На него можно спокойно смотреть и даже не прищуриваться.

Пробежав семьдесят метров по проулку до проспекта Ленина, они не увидели ни одной живой души на главной магистрали города. И то: воскресенье, минус сорок один по Цельсию. Какой дурак, извините, пойдёт на улицу? Слева и справа потрескивали чёрными старыми, ко всему привычными брёвнами деревянные дома. Из всех труб поднимались к небу ровные столбы дыма от печей. Там завидовали, как никогда, обладателям центрального отопления: топи тут весь день, с охапками дров бегай в стайку – из стайки да только успевай уголёк вёдрами таскать. От перекалённых печных труб в такую погоду часто вспыхивают чердаки, и за одну такую морозную недельку в городе сгорает больше деревянных домов, чем за всю остальную зиму.

А центральники, наоборот, в морозы жутко завидовали тем, кто с печами живёт: захотел, да и подтопил печечку по такому времени, чтобы теплее бока греть, а тут трубы ржавые, батареи холодные – ни черта не греют, приходится калориферы самодельные устанавливать в спальне, чтобы к утру не околеть, которые электричество жрут немерено, на бешеные деньги. И вообще, того и гляди вся эта техника перемерзнет где-нибудь или котел центральный, ой, не дай бог, взорвётся от перегрузки, не дай боже, не дай, и тогда всё, хана всему городу. Две

недели городские сети, может, такие морозы и выдержат, а три – ни в коем случае, об этом все знают и считают дни не хуже дембелей до приказа.

– Что, правда десять кругов по стадиону делать будем? – поинтересовался Рифкат.

– На месте решим. Вдруг там всё снегом завалено.

– А вдруг залили, наконец, беговую дорожку льдом, – вспомнил Рифкат. – Ты хорошо на коньках стоишь?

– Не очень.

Пустынным, как таежная трасса, проспектом прибежали к университету. Кругом разлилась таежная зимняя тишина: не пролетит, заунывно подвывая, карета скорой помощи, катафалк никакой не проедет, даже милицейский газик не пронесется посередине дороги, ловя бандитов. Затаился народишко по квартирам, силы экономит, спит, свернувшись калачиком под одеялом, и потому не мрёт покуда, не болеет и даже не безобразничает. Всегда бы так.

Единственным движущимся объектом, искажившим полную неподвижность арктического пейзажа, оказался неведь откуда прикативший троллейбус с замороженными окнами, на последнем протаяно каким-то горячим сердцем большое слово: «ЛЮБА». Ужасающе скрипя замороженными металлическими членами, высадил на университетской остановке двух студенток, которые, резво семеня новыми валенками, бросились через дорогу к университетской библиотеке. Основательно замотанные в пушистые бабушкины шали, они старательно прижимали ко рту и носу варежки, что все равно не спасёт от завтрашнего покраснения и шелушения кожи. Стремление к науке того стоит! Научка по воскресеньям в преддверии сессии начинает наполняться, так что места в читальном зале даже в такой мороз лучше занимать с утра.

Вбежав красивой поступью в университетские ворота, спортсмены резко сбавили скорость, перейдя на спортивную ходьбу. Мерзлый воздух уже схватил гортань и взялся за бронхи.

Деревья и кусты в роще покрылись роскошным бело-фиолетовым кристаллическим убранством, превратившим насаждения в вечноцветущие субарктические деревья неизвестных видов. Главный корпус тонул в чаще зимнего сада, многократно более роскошного, чем летний, как экскурсионный теплоход в тропической гавани из белых джунглей. О создателе университетского сада и через много лет после его (чего?) трезвонили чуть ли не в каждом номере университетской газетки. При чтении Юрий пропускал эти скучные заметки. А теперь подумал с незнакомым чувством благодарности к вроде постороннему прошлому: «Вот жил человек и создал такую красоту!».

На тропинке сказочного леса стояли два человека: маленькая старушка в кокетливой шапочке и белом пушистом платке под ней и высокий, прямой, с тростью старик в серой полковничьей папаше. Лица у них были одинаково белыми, без кровинки. Они не спеша любовались на покрытый белым прозрачным облаком сад, как японцы на цветущую сакуру. Медленно переходили с одного места на другое, меняя точки обзора.

Рифкат остановился. Проковырял в замёрзших очках дырочку, которая тут стала затягиваться белой плёнкой.

– Знаешь, что-то щёки сильно обмерзают. Кстати, ты тоже потри, у тебя кончик носа белый, – развернулся и пошёл назад.

Спускаться на Московский тракт по обледенелым ступеням восьмиметровой деревянной лесенки было опасно: запросто можно сломать ногу, если оступишься или поскользнёшься, поэтому Юрий взял картонку и съехал вниз по ледяной трассе, которую раскатала местная детвора. Внизу ощутил, что у него немеют сразу и нос, и щёки. Хорошо, что уши у шапки накрепко завязаны. Однако теперь обратно пути нет, надо добежать. Наверное, раздевалка на стадионе открыта. Там тепло, можно будет отогреться.

На стадионе Стальной Конь ремонтировал каток мокрым снегом и горячим кипятком из лейки. Мороз старику нипочем. Велосипед стоит рядом, погрузив колеса в сугроб. По засне-

женному полю носился, жонглируя мячиком, одинокий человек, завзятый футболист Бобби. Юрик не стал ему кричать, не до того уже, стремглав заскочил в раздевалку, скинув перчатки, и принялся растирать потерявшее чувствительность лицо.

Ему показалось, что и в помещении страшно холодно, несмотря на пар, поднимавшийся над ведрами с горячей водой, которую нагревали кипятильниками для полива катка. Весь костюм мигом отсырел.

Пар начал быстро проникать к телу через влажную одежду, и он, сев на лавочку, смог стянуть смёрзшуюся обувку. Кеды застыли в камень, резиновая подошва абсолютно не гнулась.

Пальцы ног и ступни, оказывается, замерзли более всего, они просто окаменели, а когда начали отходить, он чуть не завыл от боли, подпрыгивая на низкой скамеечке. Мучения продолжались недолго, но за эти минуты успел попрыгать по всей скамье для раздевания, занимавшей пространство от стены до стены, и в сердцах порвать тесёмку на шапке, которая завязалась узлом и не желала поддаваться малоподвижным пальцам. Теперь две связанные в одну тугим узлом тесёмки болтались на левом ухе шапки. Разозлившись, Юрик оторвал их окончательно. Блаженное тепло проникло к телу вместе с паром от кипятильников. Боли в ногах и пальцах рук, будто под ногти загоняют иголки, окончились, он размяк и прислонился к стенке спиной.

Неужели теперь бежать обратно? Черт побери! Ему сделалось жарко. Какого черта он сюда прискакал? Сидел бы спокойно в общежитии, делал уроки, воскресенье же. А Бобби просто рехнулся: зимний футбол в сорок градусов.

Однако делать нечего, набравшись храбрости, Бармин покинул свой приют и трусцой устремился в обратный путь, помахав рукой на прощанье неутомимым Бобби и Стальному Коню, у которых в капиллярах вместо крови тек чистый антифриз. Не успел выбежать с заснеженного стадиона на дорогу, как почувствовал, что костюм его ненормально замерзает. Не он, Бармин, а именно костюм. Пропитавшись водяным паром, на морозе ткань мгновенно стала жёсткой, смерзлась, и одежда превратилась в космический скафандр, который трещал при движениях, словно жестяной короб. Не хватало ещё порвать новую вещь.

С бега перешел на шаг. Тут вдруг резко прокололись мочки обеих ушей, словно мороз выступил в роли хирурга, готовя их под ношение серёжек. Шапка без тесёмок больше не защищала, а перчатками, которыми он попытался прикрыть уши, сами были ледяными. Пришлось снять, прижать локтями к бокам, а пальцами согреть уши, тереть нос и щеки. Вот тут-то и прихватило по-настоящему руки, так что на бегу он не смог натянуть перчатки, только дул изо всех сил в кулаки, пытаясь согреть. Но тщетно. Тогда он бросился со всех ног вперёд, не обращая внимания на скрежет своей одежды.

Под ногами треснуло, будто речной лед на слабой полынье, он чуть не упал. Подошвы вьетнамских кед разломились пополам. Из них торчали наружу шерстяные носки. Юрик изумился: «В чём же я теперь на физкультуру ходить буду?»

Ждать и стоять было некогда, бежать невозможно, он кое-как запрыгал вперед, но взобраться вверх по обледенелой лестнице на сломанных подошвах оказалось делом невозможным. Когда осознал это после нескольких неудачных попыток, окончившихся падением почти с середины, то есть с высоты пяти метров, без колебания принялся расшнуровывать странно белыми пальцами, снял, отбросил в сторону и полез наверх по сугробу рядом с лестницей в одних шерстяных носках.

Все происходящее уже казалось ему нереальным бредом. Такое просто невозможно в обычной жизни. Он не чувствует рук, не чувствует ступней. Что теперь, замерзнет в университетской роще, не добежав каких-нибудь трехсот метров до спасительного общежития? Нет, так ведь не бывает? Почему не бывает? С дураками все бывает, даже невозможное возможно.

Тут его осенило: а вдруг главный корпус открыт, несмотря на воскресенье? Это последний шанс, надо пробовать спастись. На изморози каменного крыльца не значилось отпечатка

ничьих ног, значит никто еще не входил внутрь. Чуть не плача от отчаяния он потянул массивную ручку огромной двери. Она страшно скрипнула, но все же открылась.

Стуча обледеневшими носками, как копытами, Юрик заскочил в неотапливаемое помещение, отворил следующие двери, а там почти сразу натолкнулся на бабку в форменном черном кителе охранницы, не сходявшемся на животе, замотанную в шаль:

– Вы куда, молодой человек? – спросила она тревожно.

Он лишь прыгал по кафельному полу, не в силах говорить. Старуха перепугалась.

– Уходи, уходи давай, а то враз милицию вызовем. Или в кутузку захотел?

– Конституция... – прорвалось из смёрзшихся, потресканных губ, вместе с капельками крови.

– Чиво?

– Пробег... в честь Дня Конституции... Замерз... Можно погреюсь?

– С ума сошли! В такой мороз какая вам ещё Конституция? В такую погоду печка в сто раз важнее любой Конституции. Да ты вон садись верхом на батарею, отогревайся.

Охранница вдруг выпучила глаза, закричала благим матом:

– А пошто босиком, в одних носках! Сдурел совсем али как?

– Кеды сломались. Я в общежитие бегу. Здесь немного уже осталось.

– А куда начальство ваше смотрит? Совсем с ума посходили? Какой факультет?

– Мехмат...

– А, ну эти дураки известные...

Она обернулась наверх, где уже за лестницей сидела на стуле другая старуха, тоже в чёрной форменной тужурке.

– Николаевна, налей там чаю студенту, обморозился бедняга.

Его усадили за неудобный стульчик, налили горячего чаю в стакан с подстаканником, на котором было написано: «150 лет Бородинскому сражению». Угостили пирогами с картошкой. Ноги обмотали тряпками, завязав веревочками: «В обмотках пойдешь, мы в таких обмотках всю молодость проходили и ничего, до сих пор живы-здоровы. Уши, однако, подморозил. Ишь, напухают, как пельмени, но ничего, главное – руки-ноги в порядке. Шапку тебе завяжем, шнурки вот пришьём, как новая будет. Николаевна, ты нитку в иголку можешь вставить, или тоже слепая, как я?»

Охранницы собирали его в дорогу с обстоятельностью пожилых людей, хотели даже пирогами снабдить, но он отказался. Обмотали ноги, завязали уши шапки на горле, проводили до дверей: «Ты теперь, Юрка, как фриц под Сталинградом. Да не стесняйся, с кем не бывает. А вообще в такой мороз только дураки на улицу ходят, и те по нужде. Умные-то, небось, горшком пользуются». И Юрик побежал дальше.

В родной комнате общежития, куда он уже и не чаял вернуться, над его видом тоже потешались, но Глузман на полном серьёзе поставил галочку в отчете о пробеге в честь Дня Советской Конституции. «Ты теперь гарный хлопец с такими ушами. Тебе идёт. Советские люди, они ж любят свою родную Конституцию, они ж за неё в пожар и прорубь готовы на рожон идти, – пожал Юрику сразу обе замёрзшие руки, – и ради неё готовы на любые подвиги. Партия вас не забудет, дорогие товарищи».

Юрику наплевать, кто что говорит. Он сидел на кровати в слегка заторможенном состоянии, тихонько возвращаясь к бытию, и радовался этой жизни. В комнате сумеречно, прохладно, но мухи все-таки пока не кусают – и то хорошо. И то слава богу.

11. Наваждение

Покупать билет домой до сдачи экзамена – плохая примета, об этом вам скажет любой иногородний студент. С другой стороны, идти за билетом на вокзал после сдачи сессии, когда там соберутся желающие уехать домой студенты со всех борисовских вузов и техникумов, вообще чистой воды идиотизм. Вот и выбирайте, что вам ближе.

Бармин обнаглел, плюнул на все предрассудки, купил за тринадцать рублей билет, чтобы ехать круглым отличником в отдельном купе весело и мягко. Итак, что имеем? Четыре экзамена – четыре пятёрки, осталось получить последнюю, и дело в шляпе.

У Эли Грамм экзаменационные обстоятельства складывались не столь блестяще. Пятёрки чередовались с тройками. Она пожаловалась ему, что не успевает занять место в научной библиотеке, когда приходит туда, все места огромного студенческого зала уже заняты.

– Во сколько приходишь?

– Часов в десять утра.

– Поздновато. Надо в восемь быть на месте.

– Нет, в такую рань я не соберусь, – обречённо призналась подружка. – Авитаминоз, что ли? Спать хочется всё время. Послушай, – игриво сверкнула изумрудным глазом. – Займешь на меня место в библиотеке завтра?

Занять место большого труда не составляет, однако сонная Грамм притащилась заниматься лишь к полудню. Поддерживая голову обеими руками, отсидела час, после чего решила идти обедать. Бармин составил ей компанию. После обеда Эльвира утруждалась чтением недолго:

– Спать хочу – умираю, наверное, сбились биологические часы, пойду домой. У меня раньше самая большая работоспособность была по утрам, а именно это время я теперь и просыпаю. Надо лечь спать пораньше. Слушай, зайди завтра к нам, разбуди, пожалуйста, а потом в библиотеку пойдём вместе, хорошо?

– Ладно, зайду. Но я рано встаю. Во сколько тебя будить?

– А во сколько встаёшь?

– Я в шесть.

– Вот в половине седьмого и буди.

Сказано – сделано. В половине седьмого подошёл к комнате, где жила Грамм, как трудновоспитуемая и взятая на поруки треугольником группы, состоящим из комсорга, старосты и профорга, но у семи нянек дитя без глазу, и вот он, Юрик, теперь также имеет обязанность при ней – обязанность будильника. Постельничий, одним словом. Синий свет неоновых ламп заливают пустынный коридор со множеством одинаковых коричневых дверей, на которых висят одинаковые бумажки – списки жильцов. Тихонько постучал костяшкой указательного пальца три раза: тук-тук-тук, кто в теремочке живёт? И пугливо прислушался. Со старостой не хотелось ссориться, а уж про комсорга и говорить нечего, крику от Великановой не оберешься. Нажал сильнее – дверь растворилась. Как же сразу не сообразил: Грамм специально оставила комнату незапертой, чтобы ему можно было легко зайти утром без помех и разбудить только её одну, а не весь комсостав группы. Шагнул в темноту. Кровать со спящей Грамм крайняя. Лежащая с головы до ног закутана в одеяло. Он склонился и прошептал: «Тонна, вставай, половина седьмого». Ноль внимания. Бармин осторожно потянул с головы одеяло. Вот что-то вроде вылезло, так, голова, плечи... и... извините, не хотел...

– Грамм, проснитесь, – прошептал Юрик, применяя официальный тон утреннего горниста, и слегка тряхнул её за верхнюю часть тёплого плеча.

Спит как убитая, но всё ещё очень живая. Снова затряс плечо, щёку погладил зачем-то, тоже распалённую жаром, постоял некоторое время, согнувшись над распростёртыми в сто-

роны руками, понимая – нет, не получится уже уйти, и тихонько опустился на колени у кровати, сливаясь с местной восхищённой тьмой.

Грамм сразу сделалась значительно ближе. Совсем близкой. Лицо парит над смутно видимым серебриющимся телом, ощущая токи восходящего тепла и силы притяжения. Он больше чувствует, чем видит: закрытые глаза, и, наоборот, полуоткрытые губы, и разлохмаченные волосы на подушке и плечах, и даже... одеяло почти само сползает вниз, обнажая гладкие холмы. Сколько продолжается зависание летающей тарелки над земными просторами, неведомо никому, пока одеяло, как море во время прилива, само собой не поглощает пространства, скрывая их в своих пучинах.

Юрик принялся трясти щёки и всю голову Грамм почти сердито. Голова моталась из стороны в сторону, принимая удары судьбы, но глаза упрямо не раскрывались и даже дышать стала ртом громче. Поди-ка разбуди её тихонько такую, того и гляди перейдёт на храп. Причём в темноте он чуть только различал под бровями прикрытые веками глаза, как темные провалы ущелий, в то время боковым зрением отметил вновь случившийся лунный отлив, произошедший от притяжения близко подошедшего иного огромного небесного тела. Открывшийся цвет розовой нежной молочности схож с матовым цветом морской жемчужины необыкновенной величины и формы, прекрасно заметен с любой стороны. Тёмными кругами глазниц Грамм сама смотрит прямо на него, задавая вопрос: а вдруг кто-то не спит, и смотрит, и всё видит? И ещё: зачем ты меня трясешь, как идиот? Он попытался взглянуть на дело здраво. Увидел почти то же самое: темнея кругами глазниц, Грамм смотрела прямо на него, дышала ровно, спокойно, чувственно, пламенея жемчужной кожей.

– Иди, – шепнули губы в самое ухо щекотно. – Всё, всё, разбудил уже. – С усмешкой из-под одеяла, откуда из горячих недр вулканических вырвалась горячая ладонь и щипнула за ухо. – Сейчас народ проснётся.

Через пятнадцать минут переговоров, уговоров, просьб и обещаний, местами довольно громких, кои слышали многие присутствующие, они все-таки расстались, договорившись идти вместе в научную библиотеку. В зале сели рядом за один стол, разложили перед собой множество книг, пособий, но к обеду Юрик понял, что ничего не выучил. Подружка также выглядела сонной, хотя временами начинала вдруг с азартом шелестеть страницами. Несколько раз уходила из зала, по возвращении приносила запах сигаретного дыма, от которого притяжение к ней ослабевало, и тогда хоть что-то проникало в голову из области топологии. Потом они пообедали, вернулись на свои места, где и просидели до вечера.

А на следующее утро в шесть часов Юрик вскочил и вновь бросился будить свою подопечную, уже без сомнения толкая плечом незапертую дверь в чужую комнату и быстро сливаясь с темнотой.

Грамм не спала, но и не вставала, лежала с закрытыми глазами. Ждала. Сразу опустился перед ней на колени. Губы, как американский астронавт, впервые высадившийся на Луну, беззвучно совершали длинные перелёты-прыжки по светящейся на фоне черного космоса поверхности обнажённого до пояса тела. Особенно астронавта привлекали сложная география двух холмов, которым он посвящал большую часть экспедиционного времени исследования. Кинокамеры глаз снимали всё на самую высококачественную плёнку памяти. Из-за сложного рельефа местности иногда, очень-очень редко случались провалы, когда астронавт неудачно приземлялся в новую точку, производя неожиданно громкое для безвоздушного космического пространства чмокание. Полет длился до того момента, пока с подушки в углу комнаты не поднялась голова старосты Оксаны Белочкиной, спросившая ужасно громко и рассерженно:

– Бармин, может быть, хватит, а?

Вопрос застал стоявшего на коленях врасплох, как раскат грома в чистом поле. Он тихо поднялся, вышел донельзя сконфуженный, ощущая, как уши прижались к голове.

Тем не менее через час они с Грамм сидели в библиотеке за одним столом. Возмущённого гласа свыше оказалось недостаточно, чтобы окончательно разрушить тяготение физических тел, хотя оно и уменьшилось. Стало ясно, что ходить по утрам будить действительно не очень хорошо. Разумеется, этого не стоит более делать. Но почему бы не продолжить совместных занятий? По крайней мере, он может занимать для неё место в читальном зале научки, раскладывая по всему столу книги, это ведь сделать нетрудно? Однако сидение рядышком приводило к помутнению рассудка, никак не способствуя изучению топологии. С другой стороны, несидение вместе после всего утреннего казалось абсолютно невозможным.

Грамм все же сдал учебники и ушла от него однажды, а он принудил себя остаться на месте, и через три часа к нему вернулась способность мыслить, после чего он попытался начать учить билеты, прекрасно понимая, что всё равно теперь не успеет подготовиться к сроку. Почему-то это его не слишком беспокоило.

Вскоре он сдал книги, вернулся в общежитие и некоторое время безвольно торчал в комнате, сидя на кровати и держа в руках раскрытый учебник. Но преодолел себя, пошёл с книжкой в читальный зал на второй этаж, однако, как во сне, почему-то застал себя стоящим у комнаты, где жила Грамм, будто шёл уже седьмой час утра и пора её снова разбудить.

Бармин долго стоял перед дверью, замороженный, с ощущением, что сейчас совершится преступление. Она не заперта, как и утром. Он толкнул и вошёл. Кроме Грамм, в комнате никого не оказалось. Элька сидела над раскрытой книжкой, освещённая настольной лампой. Вроде бы читала. Бросила на него растерянный взгляд – и снова уткнулась.

Юрик подошёл, молча встал рядом. За отворотами казахского халата знакомо виднелись притягательные недоисследованные выпуклости. По всей видимости, их никогда нельзя понять до конца.

Грамм будто вовсе не замечала очень близкого присутствия. Юрик заглянув в учебник, прочёл про себя: «Упражнение. Доказать, что сфера стягиваема». После чего обе его ладони одновременно скользнули за вырез халата.

– Сейчас войдут, – предупредила Грамм низким ровным голосом, который показался ему чужим, продолжая глядеть в книгу, будто ничего не произошло.

– Не войдут.

Но, конечно же, вошли. Пока мешкались перед занавеской, успел убраться восвояси, сжав кулаки, чтобы внутри них сохранить сладкое ощущение нежности, отсутствующее в обыденной жизни. Вернулся в свою комнату, лег на кровать и тотчас заснул крепким сном. Уснув, оказался стоящим перед знакомой до крошечных трещинок дверью. Толкнуть? Уйти? Снова толкнул. На этот раз дверь растворилась со страшным обморочным треском. Грамм сидела в жёлтом свете настольной лампы вся в капельках пота и ждала его.

– Представляешь, – сказала она, удивлённо глядя в книгу. – Если нормальное пространство сильно локально стягиваемо в выделяемой точке, оно составляет с ней пару Борсука.

– Знаю, – пальцы устремились за отворот казахского цветного халата, переливающегося в искусственном свете лампы золотыми и серебряным шитьём, а там вместо ожидаемой и столь притягательной девственной нежности оказался твёрдый мужской торс, покрытый жёсткой шерстью. Замдекана Вилли Теодорович поднял на Юрика вопрошающие карие очи:

– Когда у нас будет готов экран со сводками по четырём экзаменам?

Бармин бурно выбросился из кровати, подхватил сумку с литературой и бросился в читалку учить. Первый час ночи. Просидел пару часов, но самые сложные и трудные теоремы, последние в курсе, так и остались неразобранными. Тогда простым остро заточенным карандашом мельчайшим отчётливым почерком выписал их на белых листах, листы засунул внутрь той пачки, которую возьмёт с собой сегодня на экзамен, и посчитал таким образом, что подготовился.

Утром, как всегда после мозгового штурма непреодолимой крепости, содержимое головы не свидетельствует о предшествующей учебе. Пустота и солнечный свет. Ничегошеньки не осталось. Хуже того, даже о Грамм не думалось. И не хотелось идти её будить и делать ещё что-нибудь исследовательское. Всё наваждение исчезло разом, сразу, полностью после явления Вилли Теодоровича, которому, как замдекана, пристало заботиться о нравственности студентов, так что всё как отрезало. Если бы не осталось воспоминаний, а кто-нибудь со стороны вдруг сообщил ему, что с ним в принципе возможны такие вещи, как проскальзывание по утрам в комнату спящих девушек, стояние там на коленях перед кроватью, он бы ни за что не поверил, не захотел бы верить: навет, ей-богу, навет. Вот ерунда какая. Не идиот же он полный – творить такие безрассудства? Ай-яй-яй! Надо же, точно, как отрезало. Слава тебе, господи!

12. Наглость беспредельная

Профессор Пахлеаниди любил принимать экзамен у каждого отдельного студента подолгу. В студенческом эпосе это называлось «мотать кишки на лопату». Тополог Пахлеаниди очень любил мотать кишки на лопату. Поэтому, когда у очередного выпавшего из дверей кафедры, как из парной, Иванпопуло спросили: «Много намотал?», тот утер лоб и сплюнул:

- Все выдрал дочиста. И выгнал, зараза.
- На чём валит?
- На всем и всех подряд. Не человек – бульдозер!

В час дня человек-бульдозер отправился на обед, а очередь на экзекуцию осталась его дожидаться, припав позвоночниками к стенкам коридора. К этому времени вся группа поголовно пребывала в самом угнетённом состоянии духа.

Бармин тоже начал нервничать из-за поезда. До семи вечера ещё далеко, но кто знает, как развернутся события по такой толкучке. Пахлеаниди вел допросы с изнурительным пристрастием, потом и кровью, как заправский следователь ЧК товарищ Петерс. Может затянуть время и перенести сдачу назавтра, ему это запросто.

Подошла Грамм, встала рядом:

- Всё прочитал?
- Убей, не помню.

– Нет, я прочитала всё, но тоже ни черта не знаю, – она вдруг взялась поправлять ему галстук, облокотившись на грудь.

В обычно строгих её глазах при этом явилось столько нежности, по весу составляющей никак не меньше суммы всех прежних утешных чувств, растраченных Барминым на прыжки лунного астронавта.

Заметив это, Колокольчик выпучила глаза:

- Ну, ни фиги себе, Килограмм!
- Чего тебе, старче?
- Ну, ты даешь, Килограмм! Устраивает тут принародно пир во время чумы.

В аудиторию Бармин зашёл в самом дурном расположении духа. В худшем расположении находился только профессор Пахлеаниди. К своему удивлению, Бармин увидел, что профессор пользуется школьным приёмчиком: студент сначала готовится к ответу за столом, затем, подготовившись, идёт к доске, пишет там снова ответ полностью и отвечает, стоя у доски, а Пахлеаниди, раскинувшись в невероятной величины кресле, с явно пренебрежительным видом время от времени массирует белые залысины, как бы стимулируя умственные процессы в голове, выдаёт при этом такие язвительные рекламации, что дурно становится всем: и тем, кто парится у доски, и тем, кто ещё готовится на месте.

К тому же и билет достался – хуже не придумаешь. Ни первого вопроса не знает, ни второго. О чём тут разговаривать с единственным действующим математиком на факультете, зауральской величиной первого порядка? Остается взять себя в руки и ни в коем случае не менять билета, как делают некоторые, тем самым признаваясь, что они чего-то могут не знать. Ни черта подобного! Он, Юрий Бармин, знает всё! А что не знает, то спишет. Паниковать на глазах экзаменатора – распоследнее дело. Надо уважать себя, высоко ставить и даже любить. С серьезным видом прошел и сел на такое место, откуда экзаменатору его прекрасно видно, и тотчас принялся писать, в данном случае просто переписывать формулировку вопроса, ведь главное в его положении – быть постоянно занятым делом.

Математика чем приятна народу? Математика приятна тем же самым, чем неприятна история. Там если не знаешь фактов события, то пропал, а тут если не знаешь, как доказывать теорему, то всё равно можно попробовать сочинить доказательство и при этом угодить

по логике вещей в одну-единственную правильную точку. Такова разность между естествознанием и гуманитарными науками. В математике можно правду сочинить. И он принялся сочинять. Сочинял долго, мудрил, ходил какими-то задними дворами, околицами, потом лесом, полем-полем, чужим огородом, но в конце доказал то, что написано в вопросе билета. Ощутил легкую гордость, разбросал исписанные листы по столу, создавая рабочую и даже несколько интимную обстановку, как бы наводя мосты: «Мы тоже неким образом действующие математики. За Уралом, разумеется».

Но вторая тема незнакома в принципе. Ничего нельзя доказать, используя термины, смысл которых неизвестен. Тут и для вида не поумничаешь. Вот так просто рушатся дутые авторитеты. Учиться надо было лучше, а не девушек будить по утрам. Как Бармин ни сопротивлялся страху позора, но уже начал покрываться липким потом грядущего фиаско. Чего там извиваться зря у доски? Не проще ли встать во весь рост, отдать билет, забрать зачётку и до завтра? А билет? А мама? Нет, не проще, надо сражаться.

– Вы что, действительно, так думаете, – продувая заклинивший нос поинтересовался Пахлеаниди у Колокольчик, которая пыталась что-то доказать с мелом в руках, – или просто хотите нас здесь рассмешить?

– Тут же не КВН. Чего бы я кого-то смешила?

– Да? – поразился Пахлеаниди. – А я вот, представьте себе, подумал, грешным делом, что попал на КВН. Что за домашние заготовки вы мне тут выкладываете? Совсем забыли о жюри? Я здесь единственное жюри, и это жюри полагает, что надо еще позаниматься, прежде чем выходить на экзамен. Да-с! Представьте себе, перед экзаменом надо заниматься! Берите зачетную книжку и до свидания. Следующий!

Колокольчик ушла с гордо поднятой головой, почти весело, во всяком случае – без слез. Перебирая зачётки и составляя из них аккуратную стопочку, Пахлеаниди заметил в одной зеленоватое инородное составляющее, заинтересовался и выхватил его. То был купейный билет Юрика, который он забыл вынуть из зачетки, вложив при покупке.

– А кто это здесь билет уже купил? Удивительное, надо сказать, самомнение присуще современному студенчеству. Купит иной человек билет – и скорей в зачетную книжку вставлять: смотрите, профессор, я вас не боюсь! – он рассмотрел дату на билете: – Да-да, вообще в грош не ставлю, сегодня же уеду домой. Топология такая тривиальная наука, которую сдать ничего не стоит. А товарищ этот у нас будет... – полистал книжку. – Товарищ Бармин так в себе уверен, что... Есть здесь Бармин?

Юрик сказал «да» и встал.

– Так это, значит, вы.

– Я.

– Хорошо же, при случае на деле проверим глубину ваших познаний. Естественно, со своей стороны гарантирую полную... беспристрастность и честную оценку. Коли ответите отлично, так и получите, а ответите негодно, придется другой раз прийти, а уж сегодня-то бегом... на вокзал, билетик сдавать, – улыбка профессора сделала его рот шире, но таким же прямым и плотно сжатым.

Впрочем, просуществовав под носом, как новый искусственный элемент, миллионную долю секунды, она бесследно исчезла. Улыбался Пахлеаниди крайне редко, какие-либо приметы на такой случай в студенческом суеверии отсутствовали, приходилось полагаться исключительно на собственное предчувствие, которое вело себя совершенно по-свински, ничего хорошего не обещая.

Зато по второму вопросу в голове наступило долгожданное просветление: вот если он в нём ничегошеньки не петрит и даже не помнит приблизительно формулировки, стало быть, имеем дело с одной из последних теорем, записанных на листочках внутри чистой пачки для

черновиков, которая лежит на углу стола. Там и определения есть. Юрик воспрянул из ниоткуда к новой жизни.

Правой рукой он чёркал что-то на листке, как буйно помешанный, а пальчиками левой м-е-д-л-е-н-н-н-о перлюстрировал листы, разыскивая тот, с искомой теоремой. Нашёл. Принялся с умным видом, поглядывая время от времени в окно и морщась, неторопливо переписывать, изображая творческие муки пока начинающего, а в будущем, несомненно, блестящего тополога. Переписал всё успешно до последней точки. Чёрт, кажется, повезло. Встретился взглядом с прищуренным Пахлеаниди, который вращал головой как фронтовой зенитный прожектор, выслеживая неприятеля-шпаргалиста. Чуть не подмигнул ему. Эх, дядя, дядя... Ну как же так можно, а? Сзади сильно пахло гарью. Там дымилась от мозгового перенапряжения Чалина, сосланная от доски профессором с дополнительной задачей. Скрывшись за спиной Юрика, она что-то откуда-то тоже сдирала, потом вдруг потыкала в плечо: «Дай чистых листов».

После катастрофического падения в пропасть и последующего удивительного спасения Юрик расслабился, не стал жадничать – выделил Чалиной сразу половину имевшихся: пиши, родная, хоть кандидатскую диссертацию для университета Патриса Лумумбы.

Чалина мощно застрочила, стол запрыгал на месте, тычась ему в позвоночник. Слишком высоко для второкурсницы уложенная причёска растрепалась, на свекольное лицо боязно смотреть, как на неисправную лампочку при очередном включении: вдруг взорвётся? Хочется защититься рукой.

Чего народ так боится профессора? Не убьёт, поди. Обычный человек с несколько чёрстым лицом, нездорово бледный. Широкий рот, лишённый губ, прилизанные к черепу блестящие чёрные волосы. Глаза. Да глаз и боялись. Они неуловимо плавали за толстыми линзами роговых очков, здорово мешая списывать, потому что неясно, куда профессор смотрит. Вдруг на тебя?

«Ну и пусть себе смотрит». Бармин несколько раз перечитал написанное и уверенно пошёл к доске, которая уже минут пять оставалась свободной после очередного выгнанного вон с позором. Самостоятельно доказанная теорема, которой Бармин возгордился, заняла почти всю имеющуюся в его распоряжении площадь. С освещением второго вопроса пришлось быть кратким, в уголке написал главные пункты – и достаточно.

Чалина решила-таки рассказать задачу профессору. Начала говорить пронзительным голосом, волосы падали на лицо, Чалина запиховала их обратно в причёску-корону, а они тут же возвращались обратно. Надеясь на свои толстые линзы, профессор снисходительно слушал отвечающую, меланхолично постукивая пальцами по залысинам, выказывая, что, когда нужно, он становится человеком в футляре, который от всех психических атак защищён толстым слоем вольфрамовой брони. И всегда начеку. Вот бросил стучать себя по лбу, подпрыгнул в кресле и, выхватив из-под носа Чалиной лист, перевернул его другой стороной:

– Ну те-с, уважаемая...

Без написанного текста Чалина отвечать не могла, безмолвно поникла короной.

«Как мелко... Как низко! Вот до чего может докатиться действующий математик и главный тополог от Урала до Камчатки», – подумали присутствующие, осмелившись даже переглянуться между собой, выражая формой губ друг другу осуждение и порицание, естественно, делая это как можно незаметнее для главного тополога.

– Что? – вскричал профессор. – Что это? Позвольте вас спросить! Шпаргалка? Ну, сударыня, такой беспредельной наглости не ожидал! Много чего перевидел на своём веку, а такое вижу впервые. Идти ко мне отвечать по листу-шпаргалке! Это... это...

– Это не моя шпаргалка, – пролепетала Чалина чужим голосом, отрывая взгляд от стола и переводя его на Бармина, замершего у доски и уже чувствующего, что он снова летит кубарем в глубокую пропасть. – Тут совсем другой вопрос описан и почерк не мой.

– А чья?

Чалина ещё раз осуждающе посмотрела на Юрика.

– Я нашла листы в парте. Мне не хватило бумаги, я взяла листы, думая, что они чистые, что их кто-то оставил, и написала.

– Чьи листы? Признавайтесь! – потеряв свой футляр, вскричал профессор гневно. – Будет гораздо хуже, когда я сличу почерки и вычислю шпаргалиста! Тогда поздно будет! Тогда всё, выход один – вон из университета!

«Вот чудо в перьях, – подумал Бармин, – надо же было не посмотреть, на чём пишешь. А сам-то, идиот, тоже не посмотрев отдал! Ах, ты, добряга ты шелудивый! Ну, допустим, найти по почерку – это вам, профессор, вряд ли удастся. Почерк в шпаргалке – идеальный. Таким он только шпаргалки и пишет». Тут Бармин глянул искоса на бумаги и сообразил наконец, что держит в руках те же самые листы размера А4, что достались Чалиной и что по-прежнему лежат у него на столе, а у всех других обыкновенные тетрадные в клетку. Даже сличать нет никакой нужды, всё и так на виду. Снова Юрик провалился в пропасть. Профессор сорвался с места, принялся бегать по кафедре: заглянул в стол Чалиной, где ничего не было, заглянул в другие, тоже ничего не нашел. И окончательно разозлился. Не обращая внимания на бумагу, лежащую поверх стола Юрика, злой как черт, вернулся в своё кресло. Рыкнув, поставил трояк Чалиной, которая удалилась почти счастливая, и перешёл к допросу Бармина, успевшего сложить листы, с которыми вышел к доске пополам, преобразовав тем самым в формат А5.

Бармин докладывал теорему, как собственное изобретение на научно-студенческой конференции.

– Что это тут у вас? – переспросил профессор. – Что за ерунда? А это? Почему ходите огородами? Вы на лекциях моих бывали? Видели, как надо доказывать?

– А мне самостоятельный вариант больше нравится.

– Ерунда. Следующий вопрос излагайте.

Списанный материал Бармин рассказал максимально кратко.

– У меня всё, – сказал он.

– Чушь собачья, – по привычке крикнул профессор, даже не глядя на доску, полистал его зачётку. – О, вы отличник, оказывается, билетиком запаслись домой, а ответили на тройку, на слабую тройку. Даже четвёрки я вам поставить не могу, несмотря на все предыдущие пятёрки. Нет, больше тройки не выходит никак, извините, молодой человек. Так ставить или придёте пересдавать?

– Ставьте, – Бармин начал стирать с доски, освобождая место следующему несчастному, – пересдавать не буду.

– Хорошо, свободны, заберите зачётку и билет свой купированный тоже. Нет, вы посмотрите на него: с билетом купированным на экзамен явился! Наглость просто беспредельная! Мы в своё время, милейший, даже в кандидатском звании плацкартом передвигались! Да-с! А тут на тройку ответил и – прыг-скок в купе на мягкое место! Я вас спрашиваю: куда мир катится?

На миллионную долю секунды Юрику показалось, что искра со стекла черепаховых очков сверкнула в уголке рта металлом, что означало не улыбку даже, но мимолетную усмешку...

В коридоре вокруг него тотчас сжалось кольцо очередников:

– Что получил?

– Трояк.

– Счастливый.

Бармин пошел к лестнице, подмигнув Чалиной, и тут только заглянул в зачётку, там стояло: «хорошо» с невероятно корявой подписью профессора. Что ни говори, а тополог... явно с приветом. Да точно ли не заметил листов на его столе? Нет, правда, люди, куда мир катится?

13. Декамерон

Приехав домой на зимние, снежные и очень морозные, каникулы и отсидев положенные первые три дня дома, Юрик надумал посетить единокровную сестрицу Карину.

– Да проходи, раз пришел. Чего столбом встал? Вот всегда так, придёт, встанет столбом и стоит, стоит, будто выжидает, какой подвох хозяевам устроить. Ноги обмети веником! Да пимы снимай! А то знаю я вас, простофиль, дай вам волю, так прямо с пимами за стол полезете. Ага, влезут, локти расставят во все стороны и ну в кулак сморкаться. Роз наволокут на длинных стеблях привозных-дорогушчих. А какой толк трудящейся жонщине от роз тех? Сами не знают! Завтра же с утра завянут, придётся тащить всю охапку к мусорному бачку, исколился вся только с вами! Попереколился! Лучше пирожков каких напёк с луком али капустой кислой да припёр, ей-богу, и то больше толку. Пимы надел бы с заворотом, тулуп, белым фартуком обвязался: «И-ех, налетаи, разбираи пироги горячие, с пылу с жару, мясо-пустня!»

Юрик хмыкнул:

– Извини, не сообразил.

– Недогадливый какой. Прямо как в сказке: уродился детинушка дурачинушкой. И сидел тот дурачинушка на печи ровно тридцать лет и три года, слазить ни за что не хотел, ряху отрёстил – ширше не бывает, на шах мясных да хлебе ситном, а как слез... По полу не шаркай, не инвалид, чай, у нас паркет полированный.

Таким насупленным гундосым голосом Нюши – уборщицы подъезда Карина разговаривала с поклонниками, надоевшими ей до чёртиков, которых по какой-то, одной ей ведомой причине желает выпроводить вон. Когда рассерженный непочтительным отношением гость откланивался да бежал скорей за порог, вдогонку несло: «Варежки смотри не потеряй, Маша-растеряша. А наследил-то, наследил, сразу видно – веника, чуня косоротая, в глаза ни разу не видел. Смотри мне там, на площадке лифт не поломай! Да пальцы тоже береги, куда попало не суй, поди-кася. А то ведь неправильно потом срастётся чего-нибудь, вот и ходите криво-рукие да кривоногие свататься, людям только своими граблями растопыренными досаждают, полы пачкаете, царапаете. Ой, беда, беда... И за что мне с вами такие хлопоты причитаются?»

Однако на студента-второкурсника сердитость первокурсницы не произвела должного впечатления. Он мягко похлопал в ладоши, улыбнулся:

– Чем ругаться, расскажи-ка лучше новости, жонщина с веником...

– Помнишь Анастаса? – уже обычным голосом спросила хозяйка-блондинка, в последний раз виденная летом брюнеткой в бальном платье для школьного выпускного вечера. – Он нас покинул навсегда.

– Как-то встречались.

– Ушёл от мамы в вышестоящую организацию на повышение.

– Ужасный человек. Циничный, лживый, абсолютно беспринципный и отвратительный. Да?

– Очевидно. Впрочем, не для всех. Для мамы – нет. Не вздумай при ней брякнуть что-нибудь подобное. Она переживает и надеется, что они встретятся ещё на конференции парт-актива и будут, как прежде, сидеть рядом и разговаривать на свободную тему. Мечта одинокой тридцативосьмилетней женщины.

В комнату вошла тетя Тамара и, поглядев на Юрика, сказала то, что говорила ему всегда, и то, что он не желал слышать.

– Как ты стал похож на папу!

– Ма, он знает. Я ему уже напомнила сегодня. Мы сейчас сходим в университетскую библиотеку, надо сдать книги и взять новые читать. Юрик поможет донести. Нам за неделю знаешь сколько прочитывать надо? Книг по тридцать, ослепнуть можно, зато интересно учиться, не то

что на математика. Кстати, ты читал Апулея «Золотой осел»? Нет? Ну как же так, Юрочка? Тебе это просто необходимо... Я обязательно дам почитать, это мой естественный человеческий долг...

На улице падал пушистый снег, хотя и более редкий, нежели утром. Мороз усилился. Каринка вырядилась в песцовую шапку, дубленку с воротником-чернобуркой, по которому скользили её белокурые локоны с завитушками на концах. Длинные сапоги и стройная фигурка делали окончательно похожей на взрослую модницу, вслед которой оборачиваются мужчины. Новое зимнее пальто Юрика и длинный белый шарф под стать. Каринка оглядела недоверчиво, но вдруг взяла под руку, подвела к зеркалу, прищурила глаза:

– Высший класс, да?

На улице они смотрелись еще лучше. По крайней мере, встречные граждане, рискуя поскользнуться, разглядывали их, а не лёд под ногами, раскатанный за неделю беспечной молодёжью. В левой руке Бармин нёс тяжеленную сумку с книгами, правой с удовольствием поддерживал красотку. Не все же знают, что сестра по папочке родимому, иные явно завидуют. Возле магазина «Букинист» обычно толклись «жучки», перехватывая самые интересные книги у тех, кто приносил сдавать на комиссию. Сейчас на широком подоконнике магазинного окна тоже сидели два таких завсегдатая, от нечего делать болтая меж собой о последнем издании Кафки.

– Ставь сумку на окно, – распорядилась Каринка. – Подожди здесь, у меня в магазине дела кой-какие имеются. Кстати, о Кафке. Одна третьекурсница решила писать о нём курсовую, на что научный руководитель сказал ей приблизительно так: «Кафка... Кафка... П-шла прочь, мерзавка!» Я быстро.

Один из тех, что разговаривали об издании Кафки, в потрёпанной шапке пирожком и допотопном полупальто с мутоновым воротником, наклонился к Бармину:

– Что принесли?

– Ничего.

– Ясенько. А вам, по-моему, словарь Брокгауза-Ефрона требовался? Есть экземплярчик. Состояние неважноецкое, зато страницы все наперечёт. Сотня. Берёте?

– Нет, словарь мне не нужен.

– Ну как же, батенька мой, а разве не вы подходили недели этак три назад? У меня – память!

– Не подходил.

– Очень жаль. А вас лично что интересует? Есть последний Мопассан семитомный, широкий выбор Сименона, Агаты Кристи меньше... Может, фантастику предпочитаете, тогда рекомендую Стругацких. Цены самые приемлемые...

– Спасибо. Мне ничего не надо. Просто жду здесь человека.

– Уважаю, прошу извинить. Но если что, обращайтесь, – он приподнял серенький пирожок, кивнул как старому знакомому и возвратился к разговору о Кафке, тираж которого заставлял его собеседника страдальчески чмокать потрескавшимися губами.

Из магазина вышла Каринка с низеньким плотным молодым человеком в искусственной шубейке, лохматой шапчонке, на темечке обшитой кожей, с кожаным же козырьком, при очках. Пухлые щёки розовели крепким сибирским здоровьем, мороз им не страшен.

– Это одноклассник Витя Судаков, – представила Каринка, открывая сумку, – а это мой братец Юрик.

– Список есть? – спросил Витя, деловито заглянув в сумку.

– Конечно, есть, цену я обозначила желаемую, до рубля можешь опускать на те книги, которые подчёркнуты, на остальные держи, как написано.

– Ясно, – Судаков закрыл сумку и, подняв её не так легко, как Бармин, унёс в магазин.

– Сдавать будете букинистам?

– Нет, Витя сам топчется в предбаннике, сам продает и покупает. Это, конечно, опаснее, чем здесь стоять. – Она снисходительно посмотрела на зябнувших кафкианцев, взглядом утирая им сопли. – Зато и результаты не сравнить.

– В библиотеку, значит, не идём?

– Нет, – засмеялась Каринка, – это я «Букинист» называю библиотекой для мамы. Она же умрет со стыда, если узнает, что любимая дочь книгами спекулирует. Нам кучу литературы задают читать, а в библиотеке список очередников на нужные издания на два года вперёд расписан. В читальном зале три экземпляра на пятьдесят человек. Кто успел с утра схватить – сидит, читает, остальные ходят вокруг и ноют хором: «Можно мы рядом посидим? Сморгаться не будем, гриппом не болеем, вот справка от врача». Идиоты, Достоевского на них нет. Мы книги скупаем, читаем и сразу продаём. Ещё и навар остаётся небольшой. А вон, к примеру, наши девушки из группы топают по улице, дуры дурами. Хочешь, познакомлю?

– Зачем?

– Ну, мало ли? Вдруг понравятся, влюбишься, письма будешь писать и одеколоном листки опрыскивать. Привет, девчонки! Позвольте представить моего брата с юга, приехал на каникулы, на втором курсе учится университета, отличник, математик, комсомолец, спортсмен. Зовут Юра. А это наши самые красивые девчонки на курсе: Мария, Анна, Галина.

– Света, – поправила её Галина.

– Точно, – согласилась, ни капли не расстроившись, Каринка. – Представляете, девчонки, вышли мы сейчас из магазина, а Юрик мне говорит: смотри, какие красивые девчонки идут, вот бы с ними познакомиться! Нет, вру, он не так сказал, он сказал, если честно: смотри какая красивая девчонка, вот бы с ней познакомиться! А кто из вас красивая, не успел назвать. Так кто, Юрик? Говори, говори, признавайся, деваться тебе некуда. Маша, Аня или эта... которая Света?

Девчонки засмутились, покраснели, но стояли, потупившись, и ждали его решения. Бармин тоже растерялся, эта сестрица вечно подведёт под монастырь для собственной забавы.

– Смотрите, девчонки, застенялся молодой человек. Ну извини, Юрик. Чего ты так-то уж? Свои люди, в конце концов. Скажи мне на ушко, а я им передам, – и она повисла у него на плече, приблизив пышную песцовую шапку.

– Дура, – прошептал Юрик, раздвинув белокурые локоны, прямо в розовое ухо.

– Света, – торжественно объявила Каринка, – нравишься ты ему, Светлана, прямо не знает, что делать с собой. У них военка скоро начнётся, пистолеты начнут выдавать на дежурство по столовой. Если телефона своего не скажешь, может застрелиться. Так какой твой телефон?

– Я в общежитии живу, – скромно сказала Света, недоверчиво посмотрев на Бармина.

– Вот видишь, Юрик, а ты говоришь: телефона не даст – застрелюсь. Он у нас южный человек, вспыльчивый ужасно. Номер комнаты какой, родная моя? Говори скорей! Ещё спасибо мне потом скажешь, когда свадьбу играть будем, в Сочи жить поедешь, в солнечные края! Ах, как я тебе завидую! Обещай, что в гости потом пригласишь?

– Четыре – двадцать шесть.

– Всё, жди в гости. Вы не подумайте, девчонки, что он немой какой-нибудь. Просто Светку увидел и обомлел. Кавказский человек при виде красивой девушки полностью соображение теряет. Я его отведу домой, хорошо? Как в себя придёт, обязательно ждите в гости, – и, схватив Юрика под руку, потащила дальше. – Представляешь, Юрик, как они теперь будут готовиться к встрече, полы мыть, пыль протирать, наряды готовить? У них жизнь наполнится смыслом недели на две. Потом не выдержат и спросят, где, мол, тот черноглазенький комсомолец-спортсмен, чего не зашел? А я им обстоятельно разрисую всё в подробностях, так, мол, и так, беда приключилась – в горячке парнишка две недели пролежал, всё бился, метался, звал: Света, Света, родная! И родственники увезли его срочно домой, к морю здоровье восстанавли-

ливать. Заодно и женить хотят, потому что без жены взрослому мужчине жить – одно умопомешательство, – Каринка прикрыла перчаткой рот и широко зевнула. – Тогда она тебя спасать поедет. Я, может, адресок какой устрою, но это уже другая серия фильма. Идём домой.

– Мне надо пластинки купить.

– Хорошо, купим пластинок и поедем к нам обедать.

Снег опять усилился. Они стояли на последней площадке троллейбуса, глядя, как белая круговерть обвивает стеклянные окна салона, будто натягивается огромная сеть, в которую медленно, но верно погружается весь рогатый троллейбус целиком.

– Мам, мы проголодались! Давай быстренько-быстренько поедем, – скороговоркой произнесла Каринка, сбрасывая с себя дублёрку на стул, а сапоги один за другим скинула в угол.

Несколькими резкими движениями у зеркала растрепала волосы на голове, вальсируя, быстро причесала их, создав необходимую пышность, и протанцевала на кухню.

– Как вы скоро, – удивилась тетя Тома. – Вот молодцы какие! А у нас гости.

– Кто еще?

– Девочка из твоей группы пришла книжку попросить. Ждёт в комнате. Приглашай её обедать.

– Думаю, она ненадолго.

В кресле у стенного шкафа сидела уже знакомая Юрику девушка Света, которую встретили у «Букиниста», и держала в руках огромный фолиант средневековой классики.

– Что читаем?.. А, «Декамерон», – с хода определила Каринка, даже не видя обложки.

И тут же, как была в своем длинном узком обтягивающем платье, хлопнулась наискосок дивана, головой на маленькую подушку, с интересом оглядывая гостью, оказавшуюся в поле ее зрения. Увидев Юрика, Света вспыхнула, опустила лицо. Хозяйка это отследила, как радарная установка чужую ракету над своей территорией.

– Юра нам не помешает здесь? Нет? Ну, останься, Юра, в комнате. Не обращай на него, Светочка, внимания, при нём можно обо всём говорить, и о нашем, девичьем тоже, тем более что он к тебе, Света, чрезвычайно равнодушен. Всю дорогу покоя не давал, донимал меня: когда к Свете в гости пойдем, ну когда? Один стесняется, робкий шибко. Чуть не плакал, ей-богу. А ты сама зашла. Очень кстати, молодец. Вы, Юрий, довольны?

– Разумеется.

Гостья покраснела еще больше.

– Карина, ты не дашь мне «Декамерона» дня на два почитать?

– Зачем тебе надсажаться, тащить его куда-то? Здесь сиди и читай, не жалко. А на вынос – нет. После того, как одна моя любимая подруга зажилила у меня книжку, я принципиально никому больше не даю. Мы с ней раньше при встрече целовались раз двенадцать, не меньше, а при расставании три раза по двенадцать. И вот, представьте себе, потребовалась мне та книга, которую ей же дала почитать, и я с ней под конец, натурально нацеловавшись больше сорока раз, говорю: ты, мол, того, книгу другой раз как-нибудь занеси. Она: «Какую такую книгу?» Так ведь и не вспомнила. Отрицает факт вчистую. Что с ней прикажете делать? Целоваться мы с ней по-прежнему целуемся, правда, раз по десять всего за один присест, ну а книг больше не даю, извините, братья и сестры. Не карточки же оформлять, как в библиотеке, с подписями? Никому за так не даю. Хватит. Только целуюсь страстно. Посиди с нами, Светик, почитай. Я даже вон Юрику не даю. А на днях как он просил, чуть не убил меня здесь, на диване, но нет так нет. Правда же? Между прочим, скажу тебе по девичьему секрету: Юрик – удивительный человек, одно слово – брат родной по папочке любимому. Помнится, в девятом классе заболела я краснухой или свинкой. Ну, это когда морда распухает подушкой, что глаз не видать. И, естественно, никто ко мне в гости не идёт навестить, один братец припёрся, не знал, видно, чем болею. Я ему сразу призналась начистоту, что заразная. Другой бы дёру дал, а Юрик сидит

рядом на стуле, истории разные рассказывает смешные, настроение мне поднимает. Он очень мил. Правда же, Света?

Света выглянула на Бармина из-за «Декамерона».

– И Витя Судаков тоже Юру нормально воспринимает. Бывает, Юрик придет в гости к нам с утра пораньше, часиков в семь, он любит пораньше ходить, а мы с Витей лежим, книжку читаем в постели, культурно развиваемся, как вот Света сейчас. Так Юра, не будь дурак, рядышком приляжет, приспособится и тоже книжку вместе со всеми читает, время зря не теряет – развивается. Ага. Я ему, бывает, сделаю замечание: ты, мол, того, хоть галстук-то с пиджаком сними, когда под одеяло влазишь, нехорошо на постели при пиджаке лежать, в котором по улицам шляешься. Ну, снимет он пиджак, галстук, подумает, постоит, поразмышляет и брюки скинет. Сам сообразит, что стрелку беречь надо. И прыг к нам в одной рубашке белой. Надо отдать должное – с рубашкой никогда не расстаётся, до ужаса стеснительный молодой человек, ну и лежит с нами под одеялом. Потом время подходит – Вите пора к бабушке. Надо так надо – встает и уходит, а мы с братцем Юриком остаёмся дальше книжку на пару читать. Так иной раз и проваляемся весь день. Витя от бабушки вернётся, а мы спим, обнявшись, а Витя прекрасно знает, что я одна спать не могу. Сейчас как раз собрались «Декамерона» почитать с Юриком. Ты к нам не присоединишься, Света? Юрик, будь добр, стяни с меня это платье, всю грудь передавило...

– Нет, нет, – Света вскочила с кресла и быстро пошла к двери, – я очень спешу, мне надо в библиотеку.

– Юра, проводи девушку да приходи меня раздевать. Уж сил нет никаких, как «Декамерона» почитать хочется.

Света схватила свое пальтецо и пулей выскочила на площадку.

– А обедать? – удивилась вышедшая с кухни тетя Тома.

Но дверь захлопнулась.

– Ой, как жалко, у меня такой обед сегодня чудесный. Юра, проходи, садись.

– Да что ей твой обед, мамуля, когда ей Юрик нужен был. Влюбилась Света в Юрика и пришла к нам на разведку, а Юрик сидит бука букой, пришлось мне коллегу развлекать.

– То-то она бросилась вон, как на пожар.

– А что делать? С детства не терплю девушек вокруг себя. Мужчин предпочитаю. Девушки с какой руки мне тут нужны? Да ни с какой, в университете надоели, на всю группу два мужчины. Одного ты, Юра, видел, Витя Судаков, маленький, толстенький, в очках, его бабушка воспитывает, преподаватель русского языка и литературы. Витя – бабушкин внучок. Бессмысленный и бесполезный, как русский бунт, приклеился ко мне сразу и бегаёт хвостиком. Так девушки наши ополчились на меня за это, фыркают, мол, вот предпоследнего парня увела. Последний-то Борис, – Карина зевнула. – Ладно, давайте кушать будем. Эх, Юрик, как она на тебя смотрела... Кто бы на меня так посмотрел, так я не знаю, что для того сделала! Счастье ты своё упустил, молодой человек, уплыло счастье прямо из рук!

14. Астрология призывной жизни

Дифференциальные уравнения второму курсу читает доцент Кулик, очень жизнерадостный толстяк, мало интересующийся своим внешним видом, и лето и зиму бегавший в одном и том же затрапезном костюме с вытянутыми пузырями на коленях и галстук, выглядевшим так, будто не единожды побывал в тарелке с горячим супом. Старорежимный костюм сшит по моде пятидесятих годов и соответствует круглым очкам в стальной оправе, сидящим на носу-картошке. В таких Ботвинник еще играл на первенство мира по шахматам, и представьте себе, выигрывал. На всем факультете Кулик один носит «бабушкины» очки. Несмотря на приличную толщину, он не ходит, а носится так, что единственная длинная прядь вьется за ним по воздуху. Это человек без церемоний: когда на его лекцию кто-нибудь заходил через полчаса после начала, преподаватель кидал рассеянный взор на опоздавшего, и делал движение рукой, означающее: «Заходи по-быстрому, брысь на место!».

Кулик сам не проводит переключек и не любит, когда их приходят делать от деканата, не без основания считая это напрасной тратой времени, поэтому во время оных язвительно поглядывает на часы. Также не рассуждает о падении нравов у молодежи и о плохой подготовке. С первой минуты лекции Кулик бросается к доске с куском мела в одной руке и тряпкой в другой и начинает выводить какую-нибудь теорему. Длиннее теорем, с которыми самозабвенно сражался по два часа кряду доцент Кулик, Бармин в жизни не видывал. На первых лекциях все ошалело конспектировали, потом поняли, что никаких тетрадей не хватит и успокоились, поняв, что Кулик просто любит экспериментировать, доказав одно, пытается то же самое получить при более слабых условиях, глаза его лезут из орбит, горя первооткрывательским восторгом, он весь перемазан мелом с головы до ног. Да, Кулик любит биться изо всех сил!

А когда вдруг на доске вырисовывается ни с того ни с сего какая-то совершеннейшая ерунда, отскакивает от нее подальше к окну, ошарашенно вращая огромными выпуклыми глазами яблоками, как рыба в аквариуме, натолкнувшись на прозрачную стенку, и говорит: «Зачеркните все, что мы сейчас с вами здесь написали!»

– Всё-всё с самого начала тетради? – ужасается какой-нибудь умник вроде Иванпопуло, который и не думал конспектировать, а строгаёт из сучковатой палки пернатую деревянную птицу.

Тогда Кулик ставит корректную задачу:

– Внимание! Прошу обратить внимание на полученный результат, – и обводит результат рамкой из мела. Мел крошится в его толстых пальцах, осколки долетают до первых рядов, обитатели которых ощущают себя во фронтовых окопах, но без касок, противогазов и прочих средств защиты. – Все, все внимание сюда! Пишем дальше: этого не может быть ни при каких условиях! – он с удовольствием перечеркивает рамку на доске крест-накрест. – Оставьте место. Теорему докажите самостоятельно. Если не получится, перепишите то, как она изложена в учебнике, – и начинает диктовать условие следующей.

– Так вам и надо, идиоткам, – говорит Иванпопуло соседкам, которые пытались конспектировать, а теперь чуть не плачут.

Теоремы сыплются из доцента, как семечки из дырявого кармана. Кулик – головная боль для завзятых конспекторов, которые не могут понять, как и все прочие, каким образом отделить плевелы от проса во время чтения таких лекций. Где кончается учебный материал, а где начинается импровизация на произвольную тему? Наконец, они собираются для смелости могучей кучкой, во главе со старостами и комсоргами обеих групп и подходят к доценту на перемене.

– Нужно ли нам конспектировать всё то, что вы говорите на лекции? – заикаясь, спрашивает нежным голосом Оксана Белочкина, стыдливо улыбаясь.

– Обязательно нужно! – восклицает эмоциональный Кулик. – Что за наивный вопрос? Мы же здесь с вами должны работать, а не ляды точить.

Все поникают, но сообразительная Великанова переиначивает:

– Можно нам не учить к экзамену то, что есть в конспекте, но чего нет в учебнике по дифференциальным уравнениям?

Вопрос застаёт Кулика врасплох. Он жуёт толстые губы, пытаясь вспомнить, что такого лишнего мог наговорить, чего нет в общепринятом издании, и ничего не может вспомнить, поэтому отвечает куда как осторожней:

– Никто не будет вас заставлять отвечать на те вопросы, которые не освещены в основном учебнике и которых нет в программе.

Все облегченно вздыхают и перестают конспектировать Кулика – овчинка выделки не стоит. Но тот всё равно самозабвенно носится у доски, трагически заламывая руки, как древнегреческий трагедийный актер, стирает, чёркает, стреляет мелом, в общем, живёт своей захватывающей пунической жизнью, на которую очень любопытно посмотреть со стороны, поэтому все смотрят и практически никто на лекциях Кулика не спит.

Когда звенит звонок, пиджак на толстом пузе перемазан мелом, длинная прядь обмоталась вокруг лысины венчиком. Он вытирает багровое лицо платком, страшно тяжело дышит, но в глазах удовлетворение прожитым днем: славно потрудились, черт возьми!

Совсем другое дело семинар по дифференциальным уравнениям, ведомый тихой вежливой ассистенткой Фокс, которая никого не терроризирует теоремами, а спокойно учит решать дифференциальные уравнения и систематизировать их по полочкам. На её семинарах все вдруг становится ясным и понятным, кроме одного: почему у Кулика пена из рта, но ничего никому не ясно, а здесь тихий голосок, два-три слова, после которых даже Иванпопуло начинает решать, ибо всё просто, а местами даже интересно.

На втором занятии Бармин принялся с интересом разглядывать Фокс. Боже, да она действительно смотрит печально. Ещё бы: так погореть с диссертацией, не всякий оклемается! О её истории Юрику рассказал Толик Шихман, которому известно практически всё, что происходило на факультете задолго до его личного здесь появления. Он знает, у кого из преподавателей докторская диссертация на выходе, а кому бесполезно пробиваться с кандидатской, так как много врагов, близких к ВАКу.

– А при чём здесь враги? – недоумевал Бармин. – Мы же математикой занимаемся, абстрактной наукой, совершенно не политизированной. Докажи теорему Ферма – и дело в шляпе, ты доктор наук, даже академик. Никто вякнуть не посмеет.

Шихман кивал головой и чмокал иронически, приводя умопомрачительные контрпримеры. В качестве одного из них числилась история с диссертацией Фокс, которая, оказывается, являлась аспиранткой самого Арбузова, который удрал в ФРГ. Кроме нее, на разных кафедрах факультета числилось ещё несколько аспирантов московского доктора-профессора Арбузова, что поехал на конференцию в Западную Германию, да там и остался, к ужасу своих аспирантов.

– Теперь им защититься – дохлое дело. Арбузов всех их скопом посадил в большую лужу. На них клеймо – арбузовцы. Их даже на защиту никто не поставит или на защите завалят, как миленьких. Надо искать другого руководителя, да и это едва ли поможет. У несчастных все работы написаны в соавторстве с Арбузовым, а он стал отщепенцем хуже Сахарова. Вот козел, да? Нет, ну ты дай своему народу защититься, а потом дёргай на все четыре стороны, – негодовал Шихман. – Ясное дело за берлинской стенкой жизнь послаще нашей, но надо же и совесть общечеловеческую иметь.

Таким образом через Шихмана Бармин узнал подноготную ассистентки Фокс и смотрел теперь на неё с сочувствием, однако та ни единым звуком не выдавала своего отчаянного положения, всё время тихо, с достоинством, печально улыбаясь, не выказывая посторонним, что жизнь у неё – собачья. Кстати, благодаря усилиям Фокс дела в группе двигались весьма неплохо

и большинство студентов диффуры решало легко, ибо на семинарах постепенно разобрались, что не так страшен чёрт, как его малюет у доски мелом доцент Кулик.

Особенно преуспел в сём второгодник Мордвинов, пришедший к ним в группу после службы в армии. За два года в войсках он приобрел хитроватый солдатский прищур на всю эту студенческую жизнь и с высоты двадцати двух лет глядел на подрастающее поколение однокашников сверху вниз, хотя и был невысокого роста, рыж волосами, но чёрен бровями и ресницами. Любил Мордвинов поболтать на переменке, а особенно рассказать, каково попасть в армию из студентов.

– Да нет, бросьте брехать, какие там деды, я же говорю, что из учебки сразу на «точку» попал в тайгу, там в основном офицеры дежурят в звании не ниже капитана, а солдат человек пять всего было, для подай-принеси. Но вот старшина попался ещё тот. Прибыли мы, построил он нас и командует: «Кто из студентов, шаг вперед!» И давай материть: «Я из вас эту арифметику с алгеброй здесь быстро выбью, зарубите себе на носу!» Уходя со второго курса в армию, Мордвинов прихватил с собой почему-то задачник по диффурам и установил за правило решать каждый вечер хоть по примерчику, чтобы не оскотиниться совершенно.

– Сапоги почистишь на ночь, воротничок пришьёшь, бляху на ремне зубным порошком натрёшь до блеска, а потом уравнение на сладкое решишь – и в койку. А если дневалишь, то нарешаешься, аж дым коромыслом из ушей валит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.